

Влад Гагин

Положение

2024

UDK 821.161.1-1

Г 27

Vlads Gagins

Pozicija

Dzejoļi (krievu valodā)

Г 27

Гагин, Влад

Положение: *Поэтические тексты*. — Ozolnieki: Literature Without Borders, 2024. — 135 стр. — (Paroles; вып. 5).

ISBN 978-9934-9177-7-6

Влад Гагин — поэт, журналист. Родился в Уфе в 1993 году. Закончил магистратуру филфака СПбГУ. Участник семинара «Красное знание». Поэтические тексты публиковались в журналах «Новое литературное обозрение», «Грёза», «Флаги», «Артикуляция», «Незнание» и др. Входил в шорт-лист премии Аркадия Драгомощенко (2019). Автор книги «Словно ангажированность во тьме» (Порядок слов, 2020). До 2022 года жил в Санкт-Петербурге, сейчас живёт в Ереване.

Кураторы серии:

Юлия Подлубнова, Нина Александрова

Послесловие:

Роман Осминкин

© Гагин В., 2024

© Осминкин Р., послесловие, 2024

© Paroles, макет, 2024

© Черкасов А., обложка, 2024

ISBN 978-9934-9177-7-6

1

говорят рейтинги президента взлетают и я взлетаю

говорят я знаю только вот этот язык неуютно

чувствую себя в аэропорту бишкека тбилиси дубая

до тех пор пока тип не попробует развести меня на обмен
наличкой

говорят каждого русского нужно отдать на свидание с
пустыней

а ещё говорят самолёт назван в честь велимира

и пилот перед взлётом декламирует с выражением

тот отрывок про мотылька

видеть дальше, говорил философ, —
вот что значит быть левым

катастрофа происходила всегда, другое
дело, что мы способны
были позволить себе lifestyle

незамечания — изредка, краем
глаза, на ютубе что-то увидеть,
статью прочитать, а теперь

что-то с глазами
а теперь что-то случилось с глазами

невозможно не замечать
пьяный батя пиздит наотмашь

гендерные свободы и фуагра

в этом есть доля правды, хотя
я и не вспомню, что значит
фуагра, реально не вспомню без гугла

но был мир с возможностью вы
бирать досуг, смотреть фильм
реализовывать глупости, и
те десять дней совместных пускай
лягут открыткой в карман пальто

сейчас — всё иначе: кто где

запишись волонтером, если
уехал, и береги себя,

если осталась

диджитал-номадизм не заменит близость
в те времена, когда мир зарезали, когда мир — петух

и ты с этим проектом веган-кофейни
очень смешной, когда мир потух

и костюмы в правительстве в своей строгости тоже
очень смешные, когда мир — опущенный зэк,

несводимый к обеим частям закона,
словно тело зарезанной птицы в мешке

я увидел ту птицу в мешке у апостольской церкви,
выпуская смолы в отсутствие облаков

и мёртвому господину нравится, как солдаты
в берцах плывут по сплошной жаре

и птица подмигивает мне и тебе
и зарезанная птица кричит ура

мир потух и внешний долг сша
напоминает большое объятие

мы находимся в Центре Скорби
и смеёмся, вращая мёртвыми языками

впервые живу в комнате, окна которой
выходят на шумную улицу, а не на усреднённый
двор мэйд ин раша, и мне кажется, будто город
залез в мою голову своей непонятной рукой
и провернул мне мозги на 180, засыпая,
слышу движение улицы, её приливы, отливы,
оно никогда не заканчивается, и сплю я не здесь,
а как бы в прозрачном укрытии, как бы
выпав наружу частью ума

иногда перед сном мне кажется, что я вижу
весь наш огромный и маленький одновременно
мир, нашу планету, истерзанную производством
простого тепла, простого богатства и пищи простой
и я думаю: как же так, мы ведь всего-то хотели
весело и безопасно разглядывать время,
где-то ошибочка, видимо, проскочила —
или не было ошибочки никакой

и ещё в голове появляется фраза
«торговля органами», чёрные рынки всплывают
перед глазами, словно подвижные кляксы,
эхо бедности, кажется, мчит по трубам,
что-то скребётся в груди — или это
тараканы, что водятся в нашей квартире,
бледные и большие, таких я не видел в предыдущих широтах,
и ещё меня как-то укачивает от ощущения пространства,
переполненного человеческими телами

представляя Индию, представляю себя ворсинкой

я засыпаю, чтобы проснуться и вспомнить
шквал новостей и слова очевидцев,
и свою привилегию жить и работать
в этой вывернутой полупрозрачной келье,
находиться без денег, но находиться в свободе,
находиться вне дома, который располагался
в перекрестье твоих частей тела, смешная богиня

просто писать эти тексты, писать эти тексты,
не понимая, за что мне такое счастье
быть на свободе глядеть во все зенки

до посинения

ТБИЛИССКИЕ МЫСЛИ

О чём мне способен сказать генезис силовиков —
о том ли, как живое пересобирается, перехватывает
поставки сырья?

О ленинградских портовых делах,
о связи живого и мёртвого.

Ты говоришь, что постарела за эти месяцы,
вот и мне кажется, что глаза
всегда красные, словно от недосыпа,
но глаза грустные, словно от новостей.

В кафе Фрик чувствую себя фриком, лелею
пару случайных образов, как бы клад,
закопанный подо всей поверхностью тела
и в отдельных точках памяти, что ли.

И поверхности нет. И нет глубины.

И «я улыбаюсь, а не показываю клыки, эй!»

Те лебеди из шин во дворах — это чёрные лебеди.

Увидеть царицу на светофоре,
потом увидеть ещё одну царицу на светофоре,
потом увидеть принца на переходе,
потом увидеть затравленную лягушку в отражении витрины,
прижаться к дереву, задвинуть что-нибудь типа:
спрячь ненадолго к себе все эти стаи под кожей.

Регламент передач в СИЗО — это шифр разрушенной //
мечты наших предков.

пишу какой-то тревожный ар-брют, кек, не стихи:

прижаться к дереву — что там слышно?

как сквозят эти свободные стаи

как они выгрызают парламент

как здоровое общество дышит

и как сгорают постановления

каждый делает своё дело
чел продаёт пачки сигарет по четыре лари,
которые предварительно настрелял у прохожих

я люблю тебя, как могу

и мы вызубрили, что никто
не обязан сталкиваться вплотную со злом,
быть героями для новых существ

после кинопоказа, где я кивком приветствую тех,
кого мне не хотелось бы видеть,
фантазирую про вскрытые вены

вскрытые вены влада гагина
посреди светской беседы
о фашизме культового российского (?) режиссёра

не получается мыслить преступным
образом, когда пьёшь фильтр-кофе в долг

но пускай тебе это только добавит злости,
и на рынке «дезертир» выбирая
шмотки для маркета, выброси страх

измени себя, животне, время пришло

ТРИДЦАТЬ СТРОК

репост этого стихотворения приветствуется
страшная сказка внедряется типа
формирующая модель
фильм «ёлки», десять частей
завершить клаузевица
покончить с божьим судом
список литературы на зимние
каникулы, выкрасть тебя из этого мира
на 34 часа, в припадке
мужского* невроза

casus belli и все остальные слова
хэштег «блокада арцаха»,
отправленный из кротовой норы,
куда всё ещё не пролазит
моего контролёра клешня —
всё это предательство, и, конечно,
мюсли образцово-показательной силы,
и горстка земли, и цветок, что растёт
через вражьи упрощённые кости —
ну да, эти вещи забыты

ну да, суверен:
говорю, чтобы мент не родился,
больше вроде и незачем языком
щупать края катастрофы —
weird lucky mixtape,
но зажёвана плёнка,
или что-то такое,
отблеском разве что
добрые чувства, лира,
сыро, сиро

Молодой человек с почтовым рожком на футболке,
пора признаваться, но не признаюсь,

ведь группа спинозистов в изгнании существует,
как группа скриптонит без ванной, без сожалений.

И если нечем платить за квартиру
и некому поделиться

вчерашними 8 утра в аллергических взрывах
весенней прохлады, то всё под контролем.

Амбиции были представлены как хирургия,
сплетённая с завистью более мастеровитых,

но менее стильных ребят из тусовки, —
они ковырялись и не понимали.

Теперь — растут ритуалы бедствий:
четыреста способов не загнуться

и не расписаться в собственном поражении,
которое, впрочем, тем более безразлично,

чем далее движется время.

Здесь члены студенческих профсоюзов
пилят деньги и строят карьеры.

Здесь Алёша Рогожин бродит с собакой
и бормочет её сны вслух прохожим.

Здесь вебкамщица, переехавшая в Тбилиси,
за донаты для ВСУ смеётся.

Здесь Влад Гагин подмечает: возможно,
это сожаление будет со мной вечно —

о том, что я не успел стать твоим другом,
пока ты не перешёл в разряд «ангел».

Здесь художница продолжает изучать мусор.
Старые куклы, фрагменты мёртвых животных,

это дело спасает её от ранней смерти
в охватившем социальное тело пожаре.

Здесь мы вспомним о тех, кто занимался самосожжением
ради сложной свободы судов и собраний.

Здесь пишу тебе: да, приезжай, конечно,
будем вместе бояться за наших братьев.

Старший и младший, оба нерасторопны.
Оба считают ворон во внутренних огородах.

Здесь — край доступного текста,
место для выводов и обещаний.

зачем я рисую портрет на открытке

зачем принимаю дары, поджигая и продвигаясь

в разломы блядских различий, кл'еши
геополитики неотличимы

от жажды поэта

таково положение

опыт лабораторий сквозит

они пытались узнать душу ядерной бомбы

подмигиваю, выпутываясь
отовсюду, но помню

о тех, кто остался

передоз, суицид

суцид-передоз

и девчонка, с которой можно было курить на набережной канала

птицы

маловато стало чудес

но приходится разговаривать с golden hour

это было моё обещание

миру, сестре

выкидышу, переизбытку
любви, недостатку любви

уголовная ответственность за пересказ сна
получается, беларусь для чвк вагнер — временная
автономная зона?
получается, хаким бей всё-таки идёт лесом
со своими раскуриваниями гашиша — когда куришь
гашиш, так многое развлекает воображение...
это может спасти в рамках коротких штурмов
получается, мы оказались в очень плохом раскладе
моя бабушка остаётся в россии
и родители остаются в россии
мой отец скучает без новых заказов
а что ещё делать советскому человеку на службе?
получается, так: читать интернет, удивляться
а потом мыть бабушку, или вот мама
впервые идёт в поход на несколько суток
хочется зарыться куда-то поглубже

в рамках короткого сна о последнем дне в пионерском лагере? и все эти разговоры войсы, кружочки, динамика пауз в диалогах, просьбы о вписке, просьбы о том, чтобы кто-нибудь всё же забрал документы из сгоревшего вуза + десяток воспоминаний переташенных контрабандой в секретной шкатулке

я сказал: «пока, ребят, мне
пора домой», и зара сказала:
«ого, у тебя есть дом?», я подумал:
«да нет, это метафора», и потом,
уже спустя несколько месяцев, я подумал:
«может быть, это просто место,
где сковорода задаётся вопросом:
“так ты и в варварских ведь живёшь
сторонах?”» это было в тот день,
когда я проезжал мимо аквапарка
и думал о новости про яндекс-такси
и фсб, но откуда я ехал?
оттуда, где изумрудный
мальчик с разбухшим от глицерина лицом
и морщинами, что видны
в свете прожектора под песню джамала о
наркотической зависимости, но откуда я ехал?
оттуда, где несколько
десятков тысяч людей были объединены
вокруг железной дороги, они помогали
кровотоку страны, и мой дед, машинист...
never mind, и в сэйвд месседжес я записал:
«просто
хотел проживать жизнь, потом
кусок про барби»
кусок про барби:
кусок про барби был удалён по причине того,
что я спешно закрывал множащиеся
вкладки ворда, которые
замышляли удушье,
впрочем, роза, ставшая сухоцветом

(такова уж судьба растений),
была вытащена из бутылки
с застоявшейся с прошлого марта
грустной водицей, начнём
хотя бы с этого
хотя бы с этого

Субъект этих текстов, как мне сказали,
пытается выскользнуть за
«рамки языка репрессирующей
реальности», но куда
здесь скользить, если окошко не выход,
автономная зона — пиздеж?

Так и лежишь под какими-то балками,
облепленный заявлениями, и глубина
марианской впадины, ой, я хотел
сказать «обеспокоенности», впечатляет.

У берега моря, поверженный, даже
травяной меч, что сквозил
из фантома руки, равно множил
сетки различий, зацепок, подпольных
коммуникаций — и он обернулся,
разрубив отражение, проклятьем.

Михаил Бордуновский, ответь мне!

Видишь, даже без травяного меча
остаются приколы. Во-первых,
знаешь теперь слово «ждать». Во-2х,
знаешь теперь быть растянутой леской
между арто и арто, типа **знаешь,**
нищше обманывал, знаешь,
лучше уж раб или кто там,
чем дшрг этот русич.

Такие уроки медленный

ученик зазубрили //

Обнимаю, партнерка! //

Мать, обнимаю!

Обнимаю, сосед! Маша, Елена,

лишай в идентичности, разбитые но-чи,

Наташа Тышкевич, пальцы олега,
вдох через стопку горящих
географических карт, на которых
всевозможные земли, но нашей
не отыскать, так что **вдох** —
и еще один вдох, и еще,
и еще один вдох, и еще

*Второразрядный поэт бесследно исчезает, отчаявшись
дождаться визы, не важно в каком поселке на французском
побережье Средиземного моря*

боланьо

хорошо, что и это уже не имеет значения
просто в какой-то момент едешь в горы

чтобы провести интересный день

старая маршрутка удивительно
бесшумно виляет по серпантину

пару раз дымим на заправках, словно
дряхлый отряд самураев

скорчившись, на ноутбуке пишу
этот текст вместо текста статьи

в левое медиа для
университетских сынков

чувства хочется сравнивать
с как бы руинами, только

мы плетемся к руинам монастыря, и кадры
разрушенных зданий перед глазами

мальчик, похожий на беженца,
снимает шапку и обнаруживает

копну вьющихся черных волос
с парой серебряных нитей, вплетенных

в копну вьющихся черных волос

нас встречает местный пес и чья-то семья

Последний бой амфетаминового
киборга в мерзкой простуде.
Потные ручки, дрожащая
логика жизни телесной.

Снюхавший сорок четыре чижа
что-то жужжит на 1.7,
слышит случайную фразу из уст релоканта:
«жри ноздрями», из этого следует, что
миру нельзя доверять даже в малом
или наоборот; в любом случае, не
полубог порошковый, а просто
потерянный карапуз, как раздутое
самоуверенное администрации,
оккупировавших всё без остатку,

кроме гранул последних усталого мозга,
аккуратно припрятанных за разворотом
памяти о поездках по лабиринтам
памяти. Ночные тоннели. Волн

санные склейки.

сконструировал бесполезную машину,
которая, впрочем, спасает от мира
(если можно писать об этой зелени на газетах;
приходится как-то подпрыгивать, пока иду через рынок,
чтобы не наступить, чувствую себя, словно
ловкий мальчишка — а такой и есть,
несмотря на кашель курильщика и какие-то
кряхтения (???), когда присаживаешься на лавку (???)

прикольно писать длинные тексты:
можно сказать о многом или, наоборот,
просто лить воду, сделать пару намёков,
вспомнить, как спортивный журналист посещал
музей александра блока на отшибе коломны или
вот музей почвоведения, где ещё однажды играл
салават в составе Санкт-Петербургского
оркестра импровизационной музыки лил ии

в этом баре чувствую себя, как ведущий подкаста
близд энд чипс чувствует себя в баре московском...
приходится общаться со всеми через скафандр,
сидеть в углу тёмной комнаты, параллельно смеяться над шуткой,
брататься с дезертиром в тельняшке,
который, в конце концов, не выдержит да и попросит
ему тоже глиттером нахуячить,
один я почему-то отказываюсь третий раз за вечер

говорю: ну нет праздника, я в разломе,
какую песню, спрашивает, закажешь?
говорю: деф грипс про гильотину,
она кивает и потом ставит ещё две следующие с альбома,

вот теперь можно и правда что танец из точки
разлома попробовать поисполнять, теряя
собственный контур тридцатилетнего существа,
становясь всеми этими голосами,
которые кричат о надежде витиеватого толка

смерть тинейджера, или
тусовка в контрреволюционном баре,
или я всё равно чувствую себя клёвым,
только больше не понимаю, что это значит,
смерть тинейджера в закавказье, что ли,
во время просмотра очередной сториз, что ли,
где персона расскажет мне, что ли,
общеизвестные нарративы, или

ещё одни общеизвестные нарративы,
повёрнутые зеркальным боком,
растерзанные свирепым богом
или дьяволом, прячущимся в деталях
механизма всеобщей ненависти, как будто
действительно что-то изменилось после ковида?
а что ещё думать? типа не зря они протестовали
против вышек, усиливших скорость различий?

всё равно полтергейста какого-то вижу
сквозь еловые лапы и лица предателей детства,
словно я обкурился и обращаю внимание
на детали интерьера в комнате рифмобеса
во время прямого эфира с названием типа
мир на пороге ядерной катастрофы...
трогать траву в джрвеше, заново выдать

разрешение Горевать четыре сезона,
разрешение Тосковать по домам и кудрям,
даже если прошло непоправимое время
и знакомые подустали от этих сказок,
говорят: тебе нужно двигаться дальше,
а не замирать, словно отрезанная голова вороны,
а не замирать, словно испуганный глаз зайца,

но мне нужно знание о себе, а не новость,
мне нужно путаться в лабиринтах, а не
кружок скалолазания по выходным, или
чем там ещё занимаются люди во время
челленджа «вытащи голову из потока
быстрого дофамина на фоне публичных казней,
на которые смотрит испуганный глаз зайца
или образ тинейджера, вышедшего из строя»

разные люди подписались на этот канал,
непонятно, как теперь писать стихи, но маша сказала,
что её текст сработал как магия призыва; хм,
кого бы мне призвать, давайте устроим голосование...

может быть, если я публично позову тебя,
ты придёшь, некто, склеивающая время,
словно для тебя ничего не значат горящие континенты
(или ты придёшь одновременно с их зарастанием
новым проклятьем растительного терпения) —

но что-то не так с событиями, вы замечали?
словно трещина в зеркале, а внутри трещины типа
сцена одна и та же, обеспечиваемая сочетанием
бликов злобного солнца, злобного солнца...

в этой сцене ему возвращаются какие-то вещи,
типа того блокнота, исписанного сомнением
относительно испытанного томления...

но не только некто выбегает из бара «возможность»,
вместе с ней выбегает сама возможность,
зарастающая континенты возможность,
соглашающаяся расщепиться возможность,
для того чтобы телепортнуться возможность,
через годы через расстояния возможность

я не помню, дышал ли я чем-то вроде возможность,
кажется, что всё время сквозь невозможность
как-то плыл потихоньку, плыл потихоньку
сквозь невозможность, словно сквозь бесконечные

кабинеты множасьегося тяжёлого бреда,
как бы украдкой высматривая возможность...

неудивительно, что когда мелькнула возможность,
я даже не понял, что это была возможность:
кто я возле болотки? просто щенок, затонувший
в луже мочи после долгой-долгой разлуки

но я всё ещё располагаюсь в баре «возможность»,
даже несмотря на то, что в тот вечер
кое-кто пил вино, гонял на такси за закладкой,
переплюнул в лиричности 43 настолько, что даже
43 засмуцался, но всё это видимость, псевдо-
документальное «так делают нормальные люди»

на самом деле я реально в баре возможность
(извините, если это звучит странно или крипово...)

я был современник журнала доха
наверное, это не хорошо и не плохо...
это я не к вопросу о палестине —
в этом смысле простой совестью выступил жижек???
(совесть — «сообщённая свыше весть», как говорится)
получается, мне всё же не угомониться
и не условиться по кардинальным вопросам,
и не решить всё это в кратчайшие сроки,
пока я посреди этого тбилиского свопа
горсть патронов меняю на дурь!

я был агрессивен, но это потому, что мне было страшно,
как будто я мозг гордея петрика в теле ребёнка —
какие сюжеты мне, не понимаю, покажет
моя голова, кроме наглухо заевших,
ум — когтеточка, и в книжные мысли внедряясь,
я вспоминаю, чё у меня отобрали:

ярость

и гендер, блять, клоунессы

два ребёнка встречают меня у подъезда стоим у лифта
ждем лифт один замахивается на меня другой предлагает
какие-то дешевые чипсы какими-то детской грязью
замазанными руками и я беру взрослой грязью руками

но я не готов сказать привет господин бланшо приветик
хотя эта перспектива и выстраивается порой симпатично
но всё же кое-что в этом выглядит симптоматично
желтый карлик в дугинском лбу не выглядит артистично

смерть заставляет кряхтеть в ловушках вместо того чтобы
посмотреть ролик как слава мэроу бросил курить дуделки
саван сшитый неврозом то ли приложенный к толстым
губам клоунессы умиротворяющий палец

настя была права говоря просто поменяй порно
но я уже в той точке когда порно больше не впечатляет
как будто кто-то пришел и разобрал мои аттракционы
и я брожу среди них как ребёнок в уродливом парке

теперь мне снятся какие-то жидкости а не мама с папой
теперь за мной тенью не ходит аниматор в костюме фредди
хотя я всё еще помню ту сцену где джейсон ломает
напополам кровать в которой люди занимались любовью

не беспокоюсь о форме больше не беспокоюсь о форме
литературные звездочки на вымышленных погонах
награждение на красной площади завтра в восемь
там еще будет какой-то изъебистый книжный маркет

могу бесконечно сидеть и вот так набрасывать панчи
но как же мне объяснить 2 или 3 своих ощущения
говорит просыпаясь от невнятного сна клоунесса
в этом сне она задыхалась стыдом за то что на неё налепили

ебаный саван, говорит она, сраная мантия скорби,
горе-курсантка колледжа медленной смерти

иногда хожу оскалившись как мигрант
но иногда приоткрывается и джигяр

мы связаны общей печенью общих народов
или что-то такое или что-то совсем другое

мы бродячий цирк без ноги без глаза
но с летучей мышью которая постоянно
зевает прикинь и ветер бельё колышет
и брошюру по геометрии на прищепке

и каждый сходит с ума по-своему брошенное тамарой
когда мы ехали на кладбище к её мужу
и она спросила скоро ли у меня появятся дети
ладно дорогой просто решил рассказать байку

выхожу из такси на ту улицу где продают бонги
и иду за бонгом а рядом папа по какой-то причине
+ я маленький и мы вместе идём за бонгом
+ я тяну за верёвочку деревянные санки
думаю неужели это тоже армения и просыпаюсь

в нашем цирке все поняли проповедь Полудурку
ведь на каждом из нас речь размером с годзилку

но мы можем поймать минуту в которую вроде
удаётся почувствовать общую печень
познать невероятную перепись

с языка на язык в каждую сука секунду
при этом по какой-то причине не убивая друг друга

а вернее по множественности сплетений

все эти страны нам приснились
ты стоишь под часами в полдень
в твоих руках путеводитель
фантазмы запада демоны востока

резня этих там, тех здесь, резко
прочерчивается граница по языку, коже

территорий нет, придумка, приснились!

кричу политику в ухо вызываю жалость

хочется спросить всеми этими странами
кто наградил нас или себя наградили сами мы???

или приснились: полдень, путеводитель,
материк растёт или брат-войка

и куда ведёт серпантин ты не видел
мокрый снег вопросительный знак

азбука некой земли под ногами
и слова все эти страны приснились
я ничего не понимаю кричу политику в ухо
или это политик сообщает с трибуны?

подтверждённые страны или серые зоны
зависит от фазы сна даты рождения

переговорные комнаты хлеба
полнятся диктатурой причин и следствий

азбука некой земли всегда под ногами
мокрая получается был дождь в ерване

получается был снег в петербурге
когда кто-то держал в руках путеводитель

когда свои прятали чужих от своих же
когда свои прятали своих от своих же

Помню тот вечер на одной из линий ВО.
Мне казалось, что у меня день рождения, ведь приехал Кирилл.
Мы играли в шляпу, курили траву.
Говорили, что Метцингер — корреляционист:
он не оставляет места для автономной
зоны внутри головы — и тот вечер со временем стал
автономной зоной внутри головы.

Жалко, что нет фотографии, потому что
я не помню точный состав гостей,
и к реально присутствующим персонам
постепенно подмешиваются все
люди, которые были и остаются
дорогими людьми для меня, и когда
я смотрю этот вечер на беспощадной
перемотке внутри головы, меня наполняет
гордость за наше племя и за себя самого.

Потому что взялись кто откуда: из перестройки,
безотцовщины, производственных городов,
из сектантства, что было опасным укрытием,
из утопии «Узбекистан», откуда пришлось бежать.

Небинарное существо из православной семьи.
Грустный мальчик из лагеря отдыха и труда,
где били ногами. Тонкий поэт,
переживший насилие, замалчиваемое в среде.
Поэтесса с самым огромным сердцем на свете, которую
пиздила мать.

И подруга, спасающая сестру

от обычного общества, где становишься шлюхой за то, что отправила мальчику смс.

Мы вытравливали эти следы из себя, постепенно становились кем-то другим — персонажками книг Мэгги Нельсон, типа того, только в каких-то странных, прямо сказать, декорациях, может, поэтому и менты никогда не смотрели тебе в лицо.

В израильском ПНД тихо, скучно, светло.
Из окна ереванской квартиры видна гора.
В Грузии можно сфоткаться на фоне граффити «смерть всем русским» и умереть.
В Стамбуле было сложно оформить бумаги, а в Питере лучше ехать за город поскорей.
В американской академии не продохнуть.
В Казахстане закончились силы, вот и молчу.

Плутовской роман продолжается, дорогие люди без класса и имени, но с надеждой на кусочек свободной земли и возможность разглядеть невозможное небо над головой.

25 лет она ждала гуманитарную визу
в самую лучшую страну <грустный смайлик>

в это время философ, закинутый по 228
в центр русской матрёшки, пишет текст поздравления

с новым годом, хотя лично мне перестало понятным
быть какой сейчас год след стал раной

цхнети находится на горе, так что отсюда
хорошо любоваться ожиданием визы

а философ упоминает латура
говорит изнутри пропадает картинка

квадрокоптер с подбитым крылом спит и видит:
литератор пиздит как дышит

но во всяком случае это почти ничего не стоит
двадцать лари, ещё один день на свободе

мне страшно от сложности этого текста. я сажусь в такси в ереване. в наушниках человек из казахстана, он поёт по-русски: «так за кого мне болеть на этой земле и кого любить?». в это время мы проезжаем новенький аквапарк, который стоит, по ощущениям, посреди пустыни, но на самом деле это просто такая земля, иссушенная, конечно, солнцем, но не настолько, чтобы можно было сказать: «оазис». мне снился евгений викторович пригожин; я, е., кто-то ещё и пригожин идём на футбольный матч. это футбольный матч памяти. десять лет назад здесь кого-то убили, тоже во время матча. находимся мы, надо сказать, внутри огромного здания в стиле советского брутализма и идём, спускаясь широкими лестницами, смотреть футбольный матч памяти. или даже участвовать? помню, что я всё время искал лавку, где можно было бы купить недорогие кеды. в какой-то момент я вспомнил, что пригожин, кажется, плохой человек (и размышлял об этом несколько квази-секунд). стоит сказать, что сомнений насчёт пригожина у меня, видимо, не было никогда, однако смущало радушное расположение всех к пригожину и пригожина ко всем, так что очень скоро мне всё же пришлось сказать: «я кое-что забыл дома, вы идите без меня, я догоню». пригожин ещё спросил так участливо, понимая, видимо, что я появился здесь недавно: «не заблудишься?». я сказал: «нет, всё в порядке». и стал ждать, пока они скроются за очередным поворотом этой широкой лестницы. за два часа до поездки в такси с. заявил: «путин запер их в ящик пандоры. телефоны перестали исчезать из карманов в тёмных подворотнях, поскольку пилились гораздо более крупные суммы». я, ощущая себя заебавшимся цветком, выросшим на болоте, ничего не ответил, но подумал о своём путешествии, о закрывающихся в результате полицейских рейдов клубов, о своей заметке

(<https://www.aliqru.com/2023/06/30/70834>) про эти события, которую пришлось написать тоном благоразумного дедушки. о том, что хотел бы гордо называть себя наркоманом, а не наркопотребителем, а кто сам без греха, тот пусть бросит торчать на чём-то. потом стал думать о русскоязычной поэзии. фантазировать про поэтическую генеалогию гликерия улунова. посмеялся со словосочетания «генеалогия гликерия улунова», а потом произнёс про себя: «офицеры и россияне, воспитанные пушкиным, знающие мороз и солнце, обращаюсь к вам: простите меня, крысу, бегущую в пригрезившиеся земли, где аквапарк на секунду способен напомнить оазис, словно вера засулич или ранний рассказ платонова»

такое настроение, что лучше уж вообще не писать, чем писать о своей семейной истории. и лучше уж вообще не писать, чем писать про шадоубан в соцсетях. и уж тем более лучше вообще не писать, чем писать о плоских онтологиях. хуже всего — писать о поэтических антологиях и конфликтах, возникших при их составлении. лучше не облизывать старые раны. и гораздо лучше не писать вообще ничего, чем писать о своём и всеобщем предательстве, своём и всеобщем отчаянии. хуже всего — писать о радости, о мирной городской жизни в отдалённых или центральных местах планеты. писать о катастрофах, про которые знаешь только с помощью линзы массмедиа, — совершенно точно не стоит этого делать. как и писать о ветре, о детском воспоминании, о какой бы то ни было музыке сфер. запрещается писать из своего невроза. и нет сомнений в том, что лучше уж не написать ни строчки, чем бормотать при помощи клавиатуры о затонувших материках смолл-толков и оргий. такое настроение, что кажется лучше не стоит писать о микро-сообществах и маргинальных практиках. не стоит и говорить от лица некоего «мы», реального или воображаемого, а также обращаться к кому-либо, будто анархомонарх. не стоит и грезить вслух о судьбе independent artist (их джоинт — не твой джоинт, мальчик*). не стоит, в конце концов, превращать текст в один большой концептуалистский приём. не стоит писать о телесности, об аффектах, пронизывающих «пишущее животное», поскольку ум греет зуб ест. не стоит писать об индейцах! о занятиях любовью *как в последний раз*, о русскоязычных поэт_ках, отвергнутых и покинутых — или же, напротив, тех, которые до поры до времени не мытьём, так катаньем отвоёвывали у мира известное благополучие. не стоит играть с сюрсом новостных лент, обращаться к документальной речи, делать хитрый монтаж. составлять списки того, о чём лучше вообще не писать, составлять любые другие списки, а также заканчивать текст на особенно пронзительной ноте

получается, ты опять зассал, спросила сестра. ты зассал рассказать об оренбургском пуховом платке деда, спросила сестра. получается, ты зассал рассказать о сложности мира, которую волей-неволей всё равно чувствуешь, когда едешь через ночной южный город, сказала сестра. получается, ты испугался споров о будущем, сказала сестра. разговоров о прошлом, сказала сестра. получается, ты испугался рассказывать о своих чувствах, сказала сестра, равно как и о чувствах всеобщих, то ли сказала, то ли спросила сестра. получается, ты испугался подбадривать равных, прошептала сестра. запретил себе пользоваться пророческим даром, прошептала сестра. и тем, другим даром, прошептала сестра. запретил себе удивляться, запретил себе запрещать, после чего воспоследовал, так сказать, за белым кроликом, сказала сестра. получается, ты испугался вспоминать сиюминутные разговоры, а также ты испугался думать о самом важном, заявила сестра. помогать речью. быть счастливым. быть искусным. быть нежным. разговаривать с кошками. трезво оценивать ситуацию. трезво оценивать ситуацию. трезво оценивать ситуацию, прокричала сестра

страх, добавила сестра, это, кажется, основное, чему ты научился. как будто никогда и не видел тех сибирских федералистов. как будто бы никогда не слышал, как фем-анархистка кричит о своей ненависти к мировому порядку. есть дальневосточные поэты-отшельники. есть те, кто с помощью музыки погружаются в доселе недоступные трещины мира. общество сложнее, всегда сложнее. многого мы не видим (или делаем вид, что никогда не видели всех, кто сидит в углублении, терпеливо ждёт часа). есть психонавты, есть шлюхи. есть квиры-выживальщики, есть учёные из неизвестных науке кибернетических центров. есть молодые историки с гражданственными сердцами. есть животные, есть роботы. есть проекты институционального переустройства. есть журналисты, готовые на всё. и ты тоже можешь стать тем, кто преодолел оцепенение, заключила сестра

как я пытался узнать, что происходит в россии? самый глупый способ: смотрел туровой дневник группы макулатура (ныне мной нелюбимой) образца 2023 года. что я узнал? я узнал, что деньги всё так же состригаются — к примеру, с помощью строительства всё большего количества платных автомагистралей... ещё — что некоторые мальчишки и молодые девушки из провинции продолжают любить группу макулатура (по неизвестным мне причинам), впрочем, вероятно, это устроено гораздо сложнее... всё-таки как узнать, что происходит в россии? все знакомые, возвращающиеся туда на время, говорят, что что-то «изменилось в атмосфере», но у них редко получается конкретизировать. все знакомые, живущие в россии, погружены в рытьё каких-то великих подземных туннелей... я чувствую, что они существуют в социальной ситуации другой природы, и поэтому могу только впитывать их слова, как волапюк, взрывающий органы. впрочем, некоторые из тех, кто возвращались на время — или, скорее, просто вольно курсировали, исследуя среды, — всё-таки делились подробностями: военные самолёты в рязанском небе; толпа каких-то правых дружинников в московском метро на следующий день. но были и другие подробности — про объятия, про ветер, про вино и про стойкость, про макияж всему миру назло, про рехаб в окружении лучших людей, про ужас летних фестивалей и про счастье последних встреч, про конченных мудаков и про ангелиц, что укроют тебя от мобилизации в стенах музея

пресс-поездка последней надежды

сквозь виноградники, мимо дымящих

труб завода, воздух
пахнет томатами,

ласточки разрезают топлёное масло дня

«скрытая чёрная плотность этого текста», —
так думал я еще до

собаки

моя ладонь на её животе

и какая-то чушь про близость
этого места, где люди вынуждены

что-нибудь пафосное

что-нибудь как бы невыразимое

но что как бы всё-таки можно

средствами искусства или чё-то такое

Ещё до собаки.

До блядской собаки.

А теперь — даже не хочется отпускать как бы
глубокомысленное

вот мол они литерали сидят
у ворот чёрного сада

и пиздят об этом.

ну да так и делают люди

ну да так и делают люди

ну да так и делают люди

кажется, я вообще забыл, как делают люди

со всей этой вашей хуйней я реально забыл, как делают люди?

может, никогда и не знал, как делают люди

может, всё-таки реально забыл, как делают люди

||

я хороший русский или не очень,
думал я, вспоминая урок труда
и то, как володю зажали в каком-то ящичке, как в гробу,
и то, как я ничего не сделал тогда

и то, как в него плевали, ставили ноги рядом с лицом,
и всё, чего я хотел, — это не оказаться на месте вовы
и такое же ощущение было от реплик матери и отца,
будто сделаны мы из похожего из чего-то

вспоминая тон военкома и того фээсбэшного казака,
я подумал, я русский или не очень,
это даже сложнее, чем выяснить, кто за кем
ждется своей очереди

я подумал, конечно же, и о том,
насколько я тождественен себе самому,
лепёшку с разнообразной зеленью прожёвывая ртом
под палящим солнцем чёрт знает где

(так прошёл ещё один майский день, и идёт война)

КАКИМ Я ЗАПОМНИЛ ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ПЕРЕД ВОЙНОЙ

к. шавловскому

помню что в начале лета я много работал

это было связано с необходимостью со счетами долгами

несколько человек подряд сказали мне что я выгляжу
болезненно

был привязан к статическому айпи

очень жаркое лето и моя студия в девяткино с окнами
выходящими на солнечную сторону

в перерывах выбирался за едой и читал другой юг абдуллаева
сидя в тени

потом лес увольнение

бесконечное путешествие в сторону маяка

потом эти безжалостные камни безжалостный залив и
безжалостное небо

потом григорий скворода

мир не ловил тебя и меня но поймал

мир как великолепное безучастное соединение линий

сейчас я думаю что годы жизни при путинской диктатуре меняют
восприятие цвета

и теперь мне страшно когда я не понимаю это частный или
общественный двор это пешеходный переход или нет

потом я читал историю сексуальности в полном молчании

и когда я вышел из дома после практики молчания мне казалось
что люди разговаривают всем телом

и потом я придумывал всякие штуки чтобы спасти отношения

и мы поехали в москву где мне было страшно в парке зарядье
страшно на модном кинофестивале страшно в музее гараж

зато мы заболели и я лежал в гамаке с накрашенным лицом
вспоминали брехта я читал большой феминистский роман

я смотрю на эти воспоминания как бы сквозь чьи-то руки

особенно на ту писательскую резиденцию в комарово

особенно — как мы впервые поцеловались в баре варшава и я
простил этот бар за ту ситуацию когда нам сказали не курить
траву в арке поблизости

и я простил возможно весь мир все его части

и теперь не очень понятно что это значит кроме того что

я существую как длящееся во времени тело

со слезящимися глазами больными зубами или как дурацкое
племя

которое странным образом хочет расти всё сильнее с каждой
секундой

Сохранился довоенный билет в кармане
от станции Яппиля за 11 июля.

Сохранился и сохранился,
сохранился и сохранился.

Сохранился и сохранился.

Что ж теперь, заводить разговоры
о балтийском несуществующем рае?

Цыц. Отобрано многое. Задышаться
сквозь любовь и кафешки и ветер с залива.

Даже ридинг-группа и семинар покрывались
нефтяными сюжетами с изголовья.

Ереванскую пыльную бурю сначала
замечаешь по перемене фонарного света.

Наши звери рассеиваются во мраке,
составляя реальное тело мигранта —

даже те, кто остались неподалёку
от станции Яппиля слушать какое-то техно.

Мысленно обнимаю и посылаю воздушный
от любого дома к любому дому.

у вас накопилось 2115
бонусов спасибо

да и вообще разве можно сейчас
сказать нормальное слово

наши стратегии погрызла мышка пустот

разум — это то, чего у меня не отнять

я нахожусь в пределах ланиакеи

это я так к слову

просто слово понравилось

я бы хотел уметь насильно передавать опыт
чтобы нацисты из батальона русич увидели всё что я видел

но я не уверен, что это хоть что-нибудь изменило

бы

кроме того это бы никого не вернуло

бы

как бонусы спасибо
как твит юлии латыниной
как «кто-то печатает» в диалоге

как рыбы и звери натываются на
прозрачные стены

как игорь караулов преисполняется чувством
и как влад гагин преисполняется чувством

как «что нажито — сгорело: угли»
и как «что не нажито — не сгорело: не угли»

но только представь, что условный егор просвирнин
однажды увидел бы всю траекторию твоих жестов

или вот если бы путин однажды увидел
ВСЮ траекторию твоих жестов

может и бог никогда не видел
ВСЕЙ траектории твоих жестов

может и так ведь это на нём подвешен
ВЕСЬ социальный порядок

ты же насколько я помню всегда являлась
чисто одной из множества маргиналий

что сидят на краю заросшего футбольного поля
и вращают миры сколько угодно

и я увидел лишь малую часть
траектории твоих внутренних жестов

но и этого мне с головой хватило
чтобы стать обречённым на радость и память

— есть агрессивные живые скрепы, финансируемые из
госбюджета

почему-то они решили, что террор может исправить войну

— зумеры тоже устали

— жить надо ради того, за что можно и умереть, —
сказал путинильин

— умереть можно за родину
умереть — за семью, —

так тебе скажет уставшая
учительница русского языка

— умереть можно за единовременное
пособие для голодного дома

(кредиты — мёртвая скрепа, подаренная
жителям моих любимых дворов)

— умереть можно за
возможность удерживать власть

— путин сидит в золотом саду и пугается каждого крика
последней живой птицы

— умереть можно просто так
и жить — просто так

— путин — травмированный зверёк, но нам придётся его
убить :(

— жить можно ради
того ради
чего

хочется жить

— Некрокороль чётким движением речи
помещается в клетку

он ни жив и ни мёртв в золотистых угожьях

— умереть можно ради
свободного города

— жить можно ради свидания в понедельник

— зумеры тоже устали

— я встретил лису рядом с оранжереей

(жить можно ради счастливого ассамбляжа)

— почему-то они решили: террор удержит свободные земли

— оперативная онтология такова, что они ошибались

Женщина умирает от побоев в домашней обстановке, жираф задыхается где-то.

Онкологию перекрывают финансовые расчёты и лаборатории наёмников на демонической тяге.

Моя оптика перестала отображать возвращение: что происходит там, где все говорят по-русски?

Статья Литтелла про героев и дезертиров, переведённая для Медузы товарищем-дезертиром.

Грустные дела происходят на нашей планете, в каждой пустующей нише пилят бюджеты.

Белка любви удивлена этим фактом; хочется придумать какое-то волшебное слово.

Радио-анархия, отряд расслабленных серфингистов не справляется с вашими волнами, все частоты

предназначены для заглушки летательных аппаратов, и поэт_ки написали про это 2 тысячи стихотворений.

Рыть какие-то норы, заваривать кофе, разговаривать разговоры, беречь ментальное сальдо:

если глаза остаются открыты, сохраняются шансы, что это кому-нибудь нужно.

Если не женщине или жирафу, то хотя бы матери или руммейту.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

леопарды горят, но это не меняет исход бойни

z-поэт будет обливаться искусственными слезами

дальше мы не знаем, что будет, но хотя бы это
заставляет порадоваться близкому солнцу

и природа почти всегда сообщает послание
но почти всегда коверкает сообщение

дворик с зелёной лужайкой; группа людей в белом
праздник, но что-то не клеится — что за праздник?

псевдовосьмидесятые из колонок
ветер поднимается всё сильнее

я стою в самом центре этой ебучей лужайки
как бы невидимка слэш единственный зритель

типа они отвлеклись, не смогли распознать сигналы

я же увидел пыль + увидел ветер
+ погладил кота, подвернувшегося случайно

военкомат, военкомат, вспоминаю
тебя, пока иду по тёмным дворам

вернее, армянская ночь «полна сухого объёма»,
из-за которого в голове гуляет как бы сквозняк
беззаботного санаторного
карантинного времени или

хрупкие косточки, по которым здесь ходишь,
словно по нарядной улице с ресторанами
и их освещением, но с какими-то мрачными
провалами в неожиданных точках пространства,
хрупкие косточки добавляют
интенсивности, что ли, всему вокруг,

поэтому и не думаешь
о военкомате, пока не залает
та собака, у которой что-то смещено в голове, —
она бы и рада помочь тебе, защитит,
но кто друг, а кто враг,
и как разобраться?

рычит в мою сторону, замираю
на секунду и дальше иду, но чувствую, словно
разливаются странные реки под кожей,
сердце сильно стучит

*ночь на секунду представится
ткани плотной мешок*

*внутри — голова всего мира
задыхается, корчит лики*

тут-то и вспоминаешь, как отбираются паспорта,
и работница произносит что-то по типу:
*ничего, с язвой берут, главное то,
как себя там проявишь в первые дни*

или вот председатель комиссии говорит:
нам как раз нужны журналисты

или вот женщина, которая носит
папки с делами из кабинета
в кабинет, вдруг начинает
орать на меня по неизвестной причине:

*ну чего ты как маленький, ну ты чего,
сам разобраться не можешь*

извините, конечно, но это вы
носите невесёлые наши дела,
информацию о наших органах и так далее

получается, это вы проебали
папку с анализом гражданина,
сведения о состоянии потенциальной детали

вероятно, всё-таки в досье просочились

данные о том, что он* всегда собирался

становиться чем-нибудь большим,

чем запятая на теле жестокого механизма,

поедающего, в конечном итоге,

женщин с окраин, стариков и новорождённых

под аплодисменты тех, кто продал все ориентиры

за отблеск фантазма о славе поэта

«всё-таки наши братцы
и сестрицы живут
в центре бытия», — говорит мой давний приятель

в посте по итогам выступления в рамках
народного университета имени дарьи дугиной

«ну и хуй с ними», — отвечает внутренний
семинарист университета имени дарьи треповой

я же помню тебя мальчишкой с серьёзными
глазками чистыми помыслами

чистые помыслы грязные действия
классика кали-юги, простые «истины»

как ты объясняешь себе попадание,
можно сказать, прямо в сердце господнее?

и почему друзья, что любили тебя как последнего
героя, теперь отвернулись от тебя с содроганием?

и почему тот, кто носил за тобой оружие,
теперь убежал от греха подальше в чужую сторону?

и почему та, кто открыла душу тебе,
теперь тобой отвергнута и поругана?

и почему всё чаще эти берёзки кажутся
тебе только трещинками, в которые падаешь?

и почему сестрицы в сердце сраного мироздания
оборачиваются змеями, сожравшими яблоко?

впрочем, мы не настолько наивны, чтобы
присасываться к пульсу журнала,
игнорируя котировки различий,
древний лес снится,
лес, где поэт_ки
пляшут под группу avalanches,
но это не значит, что я не слышу
разные мысли в ёмкостях наших,
словно уже титаник, хотя и не атлантида,
так что я просто рад отсидеться
в том месте, где неизвестно кто обитает
на неизвестном где,
но это не значит, что я вижу героев
(хотя иногда я действительно так и вижу), —
через вас я смотрю на себя, как на мушку,
пляшущую в говне коридоров и истин,
пока взрываются бомбы, ну и так далее

КОМНАТА СО СМЕЩЁННЫМ ОТЦОМ В ЦЕНТРЕ

видение: комната и отец
смотрит телевизор, провалившись
в старое кресло, его лицо
в синеватом холодном свете
я наблюдаю за чертами лица
и черты лица смещены
лицо отца представляется
лицом другого отца или не отца
но я не могу провести различие
до меня доносятся звуки
взрывов из телевизора, и
я думаю: может быть
это всё-таки мой отец, просто я никогда
не видел его таким

мой отец не множил насилие в рамках семьи
иногда мне казалось, что он какой-то
персонаж из книжек платонова — и однажды
он не вернётся домой с рыбалки
его тело найдут на другом берегу
озера, хотя он любит природу, птичек, цветы
подмечает всякие вещи, происходящие по весне
мама в шутку зовёт его пришвин, я помню
он рассказывал мне про смирение перед
метафизикой жизни
он как бы всегда в отдалении, в уголке
я не знаю архитектуру его эмоций
я знаю, что он может включаться и выполнять
функционал крутого отца, он всегда
выручает, если необходимо, но мы
никогда не разговариваем по телефону

за исключением дней рождения — это
неловкие, рваные разговоры

иногда он выпивает рюмку-другую
и к нам в гости заходит товарищ ресентимент
я не стал в девяностые бизнесменом
я из принципа выкинул удостоверение
комсомольца, говорит гость

я не знаю, в какой момент он закрылся
где та точка, в которой максимализм
оборачивается сожалением по
неслучившемуся месту в хорошем
офисе в центре москвы (в центре смерти)
и я не знаю, как это связано, в конце концов,
с нашими спорами по поводу крыма в 14-м году

но я вижу как бы травмированную ткань
целого поколения, когда
вглядываюсь в мимику и морщины
последний раз был там зимой
отец работал из дома, и 24/7
телевизор пиздел голосом соловьёва
про детей донбасса, я слышал из-за стены
эту речь, представляя, что в СЕРДЦЕ ОТЦА
входит игла россии, и мне захотелось
ворваться в их комнату и разбить эту плазму
этот символ стабильности, эвфемизм
диктатуры, так вот я подумал

знаю ли я отца

знаю ли я соседа

двоюродного брата

знакомого со двора

кто из них добрый, кто злой
и в какой момент их лица смещаются
в сторону бучи
помню, отец целовал меня перед сном
сначала в одну щёку, потом говорил
вторая щека обидится, если не поцелую

думскроллить ленту новостей нижний уровень телеграм-
блогинга непроверенные факты случайные сводки
прощальные письма новорождённые бомбоубежищ

совсем рядом и расплзается на отдельные швы мозговой
штурм отменён по причине работ в рамках нового бассейна
памяти

любопытный джордж на другом конце провода дрожит
смотрит кино думскроллит а что ему там ещё делать

никто не приехал никто никогда не приедет и реальность
вместе с постиранными трусами скручивается в чёрную
по(д)зорную трубку

даже кошка притихла

и правда — где она?

греча + сельдерей лишь бы не покидать пределов квартиры
корреспондент памяти или вернее новый уровень страха

есть же ещё инжир + полупрощальный пост арцахского
анархиста

который почему-то не попадёт в ваше медиаполе

не растопит моё/твоё ледяное сердце

потому что моя твоя больше не понимает

и так куда ни посмотри охуелым глазом

«»

это я вставил, чтобы добавить в новость

+ в какой-то момент устаёшь бегать

говоришь: ну куда я пойду, у меня третий кот растёт из
подбородка

даже пускай и в рамках ума своего, ну куда я пойду?

думскроллить близкие земли или к примеру

купание с manic pixel dream girl запрещено по причине

ремонтных работ в бассейне памяти

так что кое-кто лежит на дне пустого бассейна обложившись
опавшими листьями и каким-то мусором

он узнаёт много нового каждый день

мы провалились как нация
они провалились как организация объединённых наций
военный эксперт с либертарным прошлым
радуется вооружённым людям, заходящим в деревни
манипуляция дискурсом, словно российский дипкорпус :)
словно крики людей, лишённых гражданства
перехватываются подонками, которыми движет
царская нефть, гэрэушные байки
рассказываемые во сне по спецсвязи
на протяжении долгих десятилетий
во время которых ничего толком не происходит
кроме искусной обработки алмазов
всё это называется «безопасность»...
чокнутые спермобаки в правительствах мира
сблёвывают свои садистические фантазмы
в чуткие микрофоны олухов из газеты
словно мы снова спускаемся в горизонтально
едущем лифте до станции casus belli
когда появляется интернет, ты репостишь
граффити с надписью «пережить можно многое
но не надейся остаться таким, как прежде»

иногда мне кажется, что *name* кажется,
что я недостаточно делаю для победы
над фашизм-путинизмом, национал-большевизмом,
теперь уже почти сталинизмом...

иногда *name* кажется, что мне кажется,
что она недостаточно делает
для победы, эти мысли приходят
в час предрассветный, между графиком и созвоном
это «между» чередой долгих дней длится,
словно морок, эти мысли парализуют,
заставляют занижать чужие успехи,
обрабатывать международные слухи,
ожидая международные рейсы в аэропорту берлина
всё-таки прикольно, что роман сергеевич растит сына))

и мышцы романа сергеевича
подёргиваются в подлейпцигской тьме,
и сердце его стучит,
словно инсталляция по тексту донны харауэй и т. д.

в это время мозг романа сергеевича
гуляет по марсову полю,
примеряет на себя маски мёртвых,
чувствует ничто — никакого толку:
всё равно стучит и сбивает с толку,

будто twitter (x), зерновая сделка

+ ещё миллион происшествий, пока что неведомых для
ребёнка

маргарита меклина читает стихотворение
аллена гинзберга «я пишу стихи потому...»,
что больше не могу смотреть сводки майкла наки,
потому что нужно сделать усилие, чтобы
написать подруге, ведь в последний раз мы общались
ещё до этнической чистки, а она отвечает, мол, мы
чувствуем то же самое перед людьми из арцаха,
но нужно говорить, говорит мне по-русски, и вот
я говорю о том, что шутка про поиск квартиры
вышла из-под контроля, и попробуй теперь хотя бы
за половину зарплаты найти, или, может быть, лучше,
как поэт тимофей, жить и работать
в конюшне на окраине еревана, семь дней в неделю;

если не напишу это стихотворение, возможно,
моё сердце не выдержит ещё одного выкрутаса
симоньян, или вид петербурга с мемориалом
уткину и пригожину что-то сломает непоправимо
в хрупкой сетке нейронной; сейчас подкурюсь и продолжу...
потому что, кажется, даже не с кем и созвониться,
чтоб сказать ему или ей «меня бросили, чел»,
потому что кирилл где-то в горах непала без связи
с девушкой по имени шира, что с иврита, конечно же, означает
«поэзия», и я вспоминаю, как мы ссорились в финском баре...

потому, говорит, и пишу, что я уже, блять, не понимаю, кто я:
русский или не русский, мужчина, блять, или
не мужчина, но какая разница, говорит, если предметы
кружатся над тобой, словно предчувствие взрыва,
словно ежедневная паранойя рисует картинку,
как у меня ломаются пальцы при попытке случайной

встать в очередь на получение заграна,
и в это время очередные молнии в лентах,
и в это время ещё один друг балансирует возле границы
(в прямом или в переносном смысле, или в обоих,
хотя теперь уже не разобраться, где прямой, а где переносный)

сейчас подкурюсь и продолжу... потому что кончилось время
приключений, кончился кайф с доставкой,
а сериал «атланта», похоже, вообще затонул вместе с этим
их диваном и лужайкой, типа укромное место,
где можно раскуривать косяки и думать о главном,
кончилось главное, но, похоже, что-то осталось,
что-то покруче, чем шмаль из старой шиловской куртки,
круче, чем южный округ москвы, вечно ждущий,
круче, чем память о невозвратимом,
круче, чем разговоры в театре печальных клоунов,
который я сам себе напевал под нос безотчётно,
словно отсутствие перспектив можно задобрить,
словно отсутствие будущего может быть оправданием,
пиздец его штырит... да, пиздец меня штырит,
сейчас подкурюсь и продолжу, подкурюсь и продолжу...

потому что моя ненависть, как у сиротки,
обречённой на поиски неверленда,
к этим судьям и депутатам, представителям мида,
генералам, пропагандистам, которые шепчут
«дай фсб контроль над дорогой
в нахиджевань», хотя им всё это время твердили,
всё это время, с того момента,
как я ступил, говорит, на армянскую землю
без налички, без карты «мир», без вписки, без интернета,
им говорили: вам не будет контроля,
вам не будет таможенных пунктов желанных,
но мы можем открыть дорогу, можем открыть дорогу,
чтобы ехали караваны с нефтью или чё-то такое

впрочем, мы отвлеклись, говорит, моя ненависть к
технократам и русским фашистам, обманутым, с голубыми глазами,

или злым, необманутым, с глазами, как у овчарки,
или просто тупым кастанедовцам, ницшеанцам,
почему-то решившим, что до них не добраться,
если принимать ванны из крови
молодых оленят, или их рожек, растёртых
в кармическую труху, почему-то решившим,
что военные корабли в подчинении у
убийц, рассказывающих сальные анекдоты,
у убийц, отъехавших в своих катакомбах,
где желания исполняются по щелчку пальцев,
корабли, говорит, на три известные буквы
типа не натолкнутся, типа никто не придёт и не скажет:
сейчас все поедем домой или хотя бы в отсутствие дома

у меня и у арт-директора Арзамаса одна беда на двоих

[здесь ещё ряд неочевидных сопоставлений, дополните сами]

фильм, в котором мы присутствовали вместе с О. как столкновение травматических линий, теперь официально в программе Оберхаузена

я не знаю, что такое Оберхаузен

фильм называется «I had a dream about the subway explosion»

в фильме я рассказываю свой реальный сон

этот сон навеян реальными отношениями

эти отношения разрушились по политическим причинам

в одном тексте, который я читал на премии АТД, ну помните, была такая премия,

я написал, что это Путин разрушил наши отношения

но это Путин внутри меня и тебя

это метафора

просто самое точное схватывание множества регионов психики, которые не позволили нам быть вместе

но метафора — это тоже реальность

и где-то здесь блять игла и смерть кашеева и чё вообще за сказка в которой мы оказались

вероятно, ты в России, ведь инстаграм по-прежнему скрывает список общих подписчиков

а наш фильм, в ходе работы над которым двое смертельно посорились, короче, теперь в Оберхаузене

там, где я нахожусь сейчас, ночью хорошо видны звёзды

чистое небо, словно мы в детстве на даче рядом с Уфой

Христо Грозев сказал, что правительственные самолёты летели в Уфу

мама прислала фотку с запасами гречки

я же впервые понял, почему ты хотела, чтобы поезд взорвался

ведь ты ехала к человеку с кашцевой иглой внутри сердца

и у нас на всех одна игла внутри огромного сердца

так уж случилось, у нас одна игла внутри огромного сердца

чтобы вытащить эту иглу, нам нужно поранить сердце

нужно нарушить блядскую целостность сердца

может быть вообще поставить себе новое сердце

впустить мигранта, другого, ну вы читали Нанси, вы в курсе

*

короче, наш фильм теперь официально

в Оберхаузене

то есть там же, где и всегда

и надо бы выбираться отсюда

житель асбеста отнимается от
невнятного сна и понимает

раздевалка расширилась
до размеров страны

раздевалка в школьном спортзале
где одни дети пытали других
за разрез глаз не по размеру костюм

в этом и состояла учёба

люби смерть, говорили они,
зажми одноклассницу в темноте
и тебе ничего не будет

осуществи становление
администратором салона сотовой связи
и войди в разрушенный город»

и они превращались
из нежных и смелых

мальчиков тупо в системы
глухой обороны себя

а девочки умерли где-то
между адлером и анапой

как-то все разом исчезли
после записи в директ

остальные продолжили жить
притворялись мебелью
воздух глотали, как дезертиры

любили деревья и линии гор
и тем более солнце, несмотря на

то, что солнце — последняя мразь

просто чудом избежавшая трибунала

пересматривал лекцию клюшникова поворот к счастью
видел себя елену других знакомых из прошлого мира

видел себя елену депрессивные сети
вспомнил что мы тогда последовали совету бори

стали счастливыми существами стали сложностью стали
вниманием
стали заботой о себе и других только поздно

вырвали полугодие жизни как вырываешь
автономную зону из тела мёртвого сослуживца

в тёмную чашу выпускали абхазцы свиней на осень
говорит таксист и я понимаю о чём он

я иду через площадь республики эти фонтаны
и телесность россии то дальше то ближе то ближе

за два месяца мне приснилась война однажды
захотелось созвониться по зуму со своим отражением

захотелось обнять подругу и убедиться
что мы с ней существуем как животные доброй воли

типа помнишь держались за руки я говорил про спинозу
и уже подмерзала земля в лесопарке

люди олимпийского цинизма
шевелият усами из экранов

лето замерло в своём падении
фон перемещается в фигуру

лёгкие свои держу в руке,
словно защищаясь от кого-то

в остальное время вижу сны
про большой обмен военнопленных

даже весело себя осознавать
в пустоте подвешенным котёнком

лёгкие становятся добычей,
притаившейся в зубах у зверя

иногда подмигивает мир
двигает чуть-чуть земные плиты

у окраин ереванской ночи,
пока вы, слепые дети древних

уравнений, разговор ведёте,
так что затихает рёв земли:

— будет всякое, когда пройдёт зима
станешь белкой или осьминогом

Мария Эйсмонт стоит возле надписи
«берегись поезда», и мне хочется
содрать эту надпись, ведь сквозь неё
льётся чёрный ветер цинической
заботы о бывшем мне и бывшей тебе —

о тех, кто любили всю ночь
перед защитой diploma —
в кабинетах, где намертво
заклеена речь, —

но кто же заботится? те ли,
кто боятся смотреть в глаза
в эти часы возле входа
в здание правосудия, где бесчестье
стало новым законом?

опять не пускают
стоишь на чёрном ветру
неизвестной весны
любимого города, оставшегося вдали,
ищешь глазами лицо, а Мария

прокрадывается по коридорам бесчестья,
как по осколкам сердца страны,

нас туда не пускают,
слёзы льются сами собой

III

privetik! eto poslanie iz

budushchego kotorogo net
budushchee — otsustsvuet no

ya govoryu na ego yazyke
osushchestvlyaya montazh

smutnyh kontekstov hm ya
nechto vrode oblaka tegov

principialno neperevodimyh
na yazyk vashey zhizni gde

pticy — zadyhayutsya v petlyah granic

u menya net nadezhdy poskolku
ya tipa samaya hrupkaya mama

shamanka so shramami
i razrushennoy kartoy

v izolyacii ya tancuyu
s prizrakami ubityh podrug

pozhaluista posmotri na menya
ya i est tvoyo telo

ya i est vasha rech —
anti-shedevr zhutkiy cvetok

plennica etogo mira,

ya korovka v kolyuchey
provoloke istorii

posmotri na menya

ya podmigivayu tebe

неужели надо заранее бронировать ветер с моря

неужели надо заранее бронировать отсутствие стыда за другого
перед обществом стильных парней и девчонок

неужели детский лагерь — это точка отсчёта

для всего взрывоопасного механизма, как же
тогда оценить ту алхимию клумб и бассейнов

та алхимия сама по себе — центристка

вот что страшно, вот что по-настоящему страшно

мы в темнице росли, но как будто в светлице

а теперь свои же осудят за смех/отсутствие смеха
а теперь мы осудим своих за смех/отсутствие смеха

за количество клумб на районе, за динамику волн в бассейнах

в это время чёрная мама закроет глаза пятерым партизанам

если сам накосячил, вытирай осторожно
чтоб никто не заметил, а то захочется скрыться
под скамейку лечь и не залупаться

а потом удивлённо спросим весну народов
где ты, весна народов

распускается прямо на всей этой коже
просто мы бронировали ветер с моря, не замечали

канье уэст и марина цветаева
рухнувший самолёт и твои нормотимики

моё последнее убежище захвачено:
старый паттерн врывается, словно наряд

может ли быть, что в природе
заложено столько тенденций и сил

а?

ощущение, что кто-то читает мою переписку
может быть, хитин дикого мотылька

я в безопасности, я сильнее, чем балтийские воды
образ той женщины в облаке хвойного шума

прячу во внутреннем кармане пальто
как бы кубок цикуты

как бы самые главные сны

пасхалка в любом новогоднем видеообращении путина
называется я люблю тебя и твой пост про антропоцен

как же так вышло спросишь ты мы ведь даже ни разу
не говорили о лесах ленобласти сцепленных с ветром и влагой

а вот так отвечу я приезжай в yerevan: здесь — время — чудес
будем смотреть документалки про шойгу и таяние снега

и если есть какой-либо смысл в моих репортажах
то это городские швы торчащие наизнанку

они делят чучело самой красивой птицы
ты это знаешь ты пьёшь кофе и помнишь о мёртвых

к сожалению мир оказался измученной лабораторной крысой
потерявшей остатки локального стиля

это стихотворение не разобьёт никакого окна однако
оно написано для тебя на любом монтажном отрезке

оно гладит по голове утешает словно иное пространство
а действовать будут наши тела когда повернётся время

скриньте

помни о мудрости
о том, что ты гражданин города,
даже если кто-то сказал, что это не так

помни о смерти,
о том, как торжественно
блестят деревья после первого
за два месяца ливня

помни и о любви,
о том, что ты сложное тело
под беспощадным солнцем
«гиблой долины»

помни о радости,
о том, что можно забыть о мудрости,
когда встретишь друга

помни о смерти других,
об этих кадрах,
затмевающих зрение,
но помни о радости

помни и об Истории, но держи
ворох других историй в кармане:

фотографии репрессированных
родственников, воспоминание
о первой прочитанной книге по анархизму

сон, где стаи наших существ
выгрызают засекреченные архивы

исход октября, но как бы сентябрь —
солнце, суббота

млеет, проснувшись, субъект
от величия нового дня

(день словно затягивает в своё
только открывшееся пространство)

заперты на замок
социальные сети

едет субъект под землёй и читает,
что там белл хукс разузнала

про слово любовь

«на эскалаторе многое
станет прозрачным:

скоро появится сквер,
я припомню черты твоего лица

и подумаю: всё-таки странно,
что ты говоришь на моём языке

я не про русский язык,
про какой-то другой»

МОСКВА И КРЫСА

1.

ты увидела мёртвую крысу в москве
и ты скинула мне фотографию мёртвой крысы в москве

потом мёртвая крыса исчезла в москве
а потом ты увидела новую мёртвую крысу в москве

на том же самом месте в той же москве
другая мёртвая крыса лежала в другой грязи

и ты скинула мне фотографию новой крысы в москве
обе крысы мерно сливались с распутицей и т. д.

словно в пиксельной драме что зовётся москва

2.

будь осторожна, сказал

может быть, в паранойе, что зовётся москва
есть тени, которые душат крыс

+ есть ритуал, в котором тени сперва
ловят крысу и говорят, например, «крым»

а потом убивают её и говорят, например, «ква»

3.

влад джанки например и настя джан
решили что речь всего лишь о том

что любимый город прощается говорит пора
а то замёрзнешь будешь найден мёртвым в москве

кроме того влад джанки кроме того решил
что нужно снова писать как крыса во что бы то ни

даже если остался только пепел стихов
и приходится с метафорически заклеенным ртом

типа жрать этот пепел стихов))

4.

москва и крыса крыса и москва
я голову крылом балтийской чайки

вывернутой насквозь балтийской чайки
кричащей алло москва аллергия лето балтийской чайки

на виртуальные колени
положу тебе

подземный кабель любви предлагает
вместо текста про службу внешней разведки
вспомнить о школьной подруге —
скейт, волосы вьются

когда мы познакомились, она думала
что моё раскрашенное лицо —
следствие тренировок, а не
того эпизода, когда я мысленно произнёс:

«могут ведь и убить»

через пару недель — гул потасовки
обрывается после выстрелов в небо
и мы разбегаемся в стороны, словно
в самом нелепом немом кино

несколько позже целуемся в темноте
летнего воздуха, мои руки
дрожат, но всё же пытаются вскрыть
упаковку презерватива

«в тебе много пацанского», — некто
недавно отметил сквозь дружескую
пьяную болтовню

я же всё ещё будто слоняюсь
лестничными пролётами, неуместный
клоун с раскрашенной физиией, и

шарю случайную встречу

каждому леваку нужно второе сердце
однако условия изменились теперь
оба моих сердца говорит представитель
тех кто калёным железом жжёт
кожу возлюбленных кожу лошадей кожу таксистов
оба моих сердца теперь
чёрт не выходит сказать у меня есть и третье сердце
получается разве что у меня
есть дахау вьетнам остальные места планеты
не выходит сказать
у меня есть четвёртое сердце
пятое сердце шестое сердце седьмое восьмое
не выходит сказать но каким-то образом говорит
представитель они вырастают снова и снова
это правда даже после крушения сердца
ведь ОНА и ОНА никогда не простили

странные танцы говорит представитель
клуба предательства самых любимых
не получается только вьетнам воронеж
вологда екабпилс питер челябинск освенцим
чечня волгоград и все остальные
изодрённые способы медленной казни
это правда но они вырастают снова и снова
называй это *умные книжки*
называй *первый снег в ереване*
называй это *власть всё ещё*
не смогла внутри психики нашей
отработать по своим нормативам
остальное в общем ветер с залива
или гора или облако или просмотр
или богиня ответила *или*
если любишь — принеси полотенце
не удваивай в доме меня

как ахматова посреди тусовки, ухожу
в свою комнату, сообщая друзьям:
мне нужно написать стихотворение

хочется, впрочем, чего-то другого, но так уж и быть
trust.rip
ШИШКИ

новая надпись в подъезде, и больше не
крошится букв мел
маркер простой

обсуждали чтение
перечитывал бесов
понял там те же расклады

я сейчас читаю субкоманданте
признаюсь — далее общий смех —
стало страшно читать жерара

открыл том публицистики проклятого
поэта — там уже в самой
первой статье вылитый дугин

в тропических лесах амазонии
некоторые деревья находятся под водой
существенную часть года

из-за этого создаётся среда,
в которой деревья роняют плоды
в воду, и их поедают рыбы

мы можем многое или малое задаюсь
снова дурацким вопросом
снова предпочитаю поверить

Узнать разлуку-в-любви,
как стазис, изменчивый в допустимых пределах,
но вспоминают ли те, кто писал
«ты хорошо меня трахаешь» и другие слова
о без малого коронованном
мальчике*, рыцаре голого
невротизма глубин?

«Я» на их месте
каждый день вспоминало
бы обо мне,
будто бы о холодной непостижимой
глыбе в огне

или б-ликующей обезьянке, крадущей
милости мира, прочие атрибуты
клипов пустыни — даже сейчас,
в превосходящем космосе катастрофы,
вьются цветы из немытого рта
и рыцарь гортани выискивает возможность
передать невозможный привет,

как бы оттенок
эмоции вакха,
к сожалению, отторгнутой в четырёх
обезличенных сочетаниях: «ты»
«хорошо» «меня» «трахаешь», или
я хотела стать взорванной в том вагоне
метро по дороге к тебе —

или к счастью, откуда вообще
взялось сожаление, если разлука —

лишь один из уроков психической драмы,
танца с расставленными заранее
фигурками чрезмерных объятий
до той странной поры, пока память растёт
в мутном зеркале слов и различий,

зла и соцветий.

Ветер с залива, даже будучи сна трафареткой,
разрушает эффект замирания, или
«я» насвистывает мотив
перемалывающего движения.

видишь, насколько слеп,
словно голова облеплена малахитом,
из которого высрана резиденция человека
без лица, видишь, какие ставки
малахит уральский лучистый,
и на новеньких кимоно у мальчишек
туймазинского мясокомбината эмблема...
ничего не надо придумывать, всё уже здесь,
просто я долгое время держал
глаза в созерцании волшебного цирка,
где есть всё, что угодно + бонус:
горящие зрачки существа, напомнимшего
то ли Бибоба, то ли Рокстеди — и гнильё
залива шипит саморазрушительным фоном
может, глупо, но никогда не забуду
взгляд отца политического наутро
после той публикации, в серое утро
на маленьком митинге, после той
публикации, превращающей в камень
политику публичных пространств; и сорванные
одеяния, и наш хохот,
рвущийся сквозь мосты — и смещённость
временных отрезков до нынешней встречи,
белые блоки опорных пунктов,
тающие в пейзаже алмазных
приисков, и молитва про покой, о котором
можно только мечтать, будучи запертым на планете

МЯСО

он* не может остановиться и пишет стихи, так, словно эти ебучие звёздочки способны спасти))

он* порой не видит реальный мир и блуждает в лабиринте грёз и кошмаров

но иногда он* видит реальный мир, и тогда как будто бы ничего другого не остаётся

хотя по правде говоря остаётся куча всего другого

по крайней мере, кормить бездомных ко_шек

так словно эти ебучие гендергэпы способны спасти

*

реальный мир тем временем происходит, даже Писатель

съездил в непризнанные республики и удивился

но, кажется, он влюблён в неповторимое мясо

лунных вращений, а я увидел существ, которых корчит от боли

думаю, я смогу успеть подготовиться к смерти

учитывая, что у меня в рукаве пара секретных кристаллов

однако я не думаю, что хотя бы кто-то из нас успеет

подготовиться к пыткам

для этого нужно слишком усердно работать,

но мы влипшие по уши киборгини в болото жизни
а не гордые рыцари поднебесья

*

мы влипшие по уши киборгини в болото жизни
мои коллеги сказали «наркофобия — это я»
в ответ на моё предложение сделать текст
о ситуации с полицейским насилием в ереване
и мне начинает казаться, что они замышляют убийство
восходящей звёздочки, то есть, по сути
в каком-то смысле уже мёртвого существа, которое
как бы лишней коровой репрессированного прапрадеда
тупо плывёт через дни

Давай уже напишем хорошее стихотворение.

А зачем? Рамка

строки — створка окна.

Просто по приколу, к тому же
кто ирландец, кто англичанин?

Нечто требует выражения.

Снова вздрогнуть, услышав
гольфстрим в разговоре.

То, чего не было и что было одновременно.

Пляж-поездка, плащ-палатка.

Разговор про дельта-чат под грибами,
и разрезанный птицами воздух заходит
в плащ-палатку, вместе с ветром-дождём.

Как-то уже неприлично об этом?

Ок, но порядок комнат обманчив.

Хочется вытащить из шкатулки с вещами
несуществующий свадебный снимок,
спрятанный внутрь волшебного шара.

Бросить его в лицо лейтенанта.

Он будто бы вылез из пасти
полумёртвой глубоководной рыбы,
ребёнок, не видевший света.

Хижина на семи ветрах — дом,
укрытие? Новые распорядки?

Как долго опечатанным оставалось
нечто, стучащее в глубине
тела стареющего ребёнка,

который вывалился из пасти дряхлой
рыбины, впопыхах, без ёбаного СНИЛСа.

Дальше — какая-то взрослая жизнь.

Городская иллюминация к Новому году
странно просвечивает сквозь плотный туман,

из которого периодически выплывают
люди в футболках сборной Аргентины.

Всё это забавляет сначала
глаз, затем мозг.

Исход года, исход, микрозаймы

взрывают петарду нейронных цепочек

или типа того. Слово «бремя»
странно колыхнется где-то в груди.

Воздух тяжёлый и хрупкий,
будто метафора, скажет некто
из близких кругов, и будет неправ.

Это — зима народов

(в мире, где фильтрационные лагеря
маскируются под реалити-
шоу для канала «Домашний»).

Или наоборот.

Снега не будет, и сердце открыто.

без пальмы, лермонтова и выгоды, но с дуделкой
ваниль/кока-кола или типа того))
а вот прилепин получил звание
заслуженного мента, вот почему
я кривил ебало, когда вы говорили
хороший писатель, особенно первый роман
не читаю прозу ментов
это первое правило постбойцовского клуба
так что ничего не поделаеть, приходится выбирать
землю без почвы, почву, где черви
извиваются и говорят привет
друг-человечинка, мы уже рядом
и я отвечаю привет, словно очередному
способу ускользнуть с вечеринки ментов
и ментов, ментов и ментов, ментов и ментов,
но я проебал свою каску, свою дубинку
и свой табельный пистолет в лабиринте дней,
ещё в детстве засмотрелся на тусовку в соседней
где пылинки в лучах, где овсянка осклабится
ухмылкой обманщицы-родины, подменившей
контурные карты в учебниках и так далее

прозрачные оплеухи
волн, математика нежности

море учит чему-то такому
камни просачиваются, царапают
гениталии в шторм

я хочу встретить черепаха,
рассказать тайну наших
зверей, разучившихся видеть

сквозь мозаику бунгал и правильные
слова об эгалите

как и все, я толкаю себя
на блошиных рынках дефолтной речи

но хотя бы ни разу не написдел об этом
в воображаемую ракушку

алло, черепаха,
здесь спасатели вывесили red flag
но я всё равно ползу сквозь пощёчины моря

зрителей мало

СТИХИ ДЛЯ ПРЕМИИ ЛИЦЕЙ (СТО ПЯТЬДЕСЯТ СТРОК)

1.

всем привет, меня
зовут непоэт влад гагин
я пришёл из будущего
чтобы спасти квир-семью
я пришёл забрать ваши деньги
для этого нужно написать
«хорошие стихи», я попробую
буду откровенен: часть денег
получат герои и героини
борьбы с фашизмом

2.

помню, курил
без передышки

перед вручением предыдущей
когда меня протащили в шорт

это были ковидные времена
времена поправок, и хитрый

чиновник использовал пушкина
в своих фантастических целях

статус русского языка —
один из сомнительных пунктов

он сказал: «я уверен, что пушкин,
одобрил бы этот пункт

а вслед за ним и мы все»

в этот момент голова неопэта влада гагина оторвалась от тела
и принялась кружить по комнате выкрикивая строчки своих
любимых русскоязычных стихов

3.

государствообразующий статус русского языка

это пиздец и дело не столько в тыве
где люди режут друг друга в каждой второй подворотне

не столько в бурятии, где
частичная мобилизация «носила характер тотальной»

ведь фарш из беднейших — блюдо
быстрого приготовления дело

не столько в башкортостане, где после
пятого класса в нашу школу явились башкирские дети

из деревень хуже всех учились и хуже
всех понимали, что происходит

хуже всех знали русский, хуже
всех защищали себя

шапку али обоссали и спрятали в унитаз
классная руководительница не заметила инцидента

4.

всё дело в том, что государство
никогда не являлось фетишем для моих
домочадцев немытой речи, пускай даже вся
расстрельная команда блюёт
пушкиным, и пускай
пушкин льётся фонтаном через
их белозубые пасти — это
не имеет никакого значения

лирическое отступление

*за прошедший месяц непоэт влад гагин мылся
единожды*

занимал денег — дважды

*546 тысяч раз сталкивался со скептической реакцией,
рассказывая медиаменеджерам об идее газеты тире
объединяющей платформы для левых активистов,
интернационалистов, адептов регионального освобождения,
деятели культуры, которые говорят только правду*

типа никто не даст денег

впрочем, видел красивое:

— утренний ереван, розовые простыни, словно

флаг нашей нежности, реющий сквозь туман;

— кофейный автомат говорит привет;

— сюрреалистические фигуры и неработающие
аттракционы в печальном парке напоминают
траектории наших судеб, хах

5.

субъектность — это привилегия, и с какого момента, мне интересно, ты начинаешь быть в ответе за свои преступления перед всеми людьми доброй воли без царя в голове

как бы там ни было, очевидно: россия — фашистское государство, и я не забыл тех обстоятельств — военкомат, спёртый воздух дурацкой весны в одиночке, тем не менее там

я встретил тебя, и мы, как говорится, любили на пляже, танцевали в песке, иными словами, я сознаю, что мне просто повезло держать тебя за руку, как бы через

всё остальное, как бы поверх всего

6.

и поэтому, хотя «годен» кричали нам, мы никуда не пошли призывная комиссия, извини, рядовой имярек по твоему приказанию не

7.

а вот вова не помню фамилию хотел стать ментом

мы смеялись над ним всей компанией после чего

он плотно подсел на соли щас не знаю чё с ним

владик выбрал повеситься ещё лет десять назад

когда во взрослую из малолетки перевели

и его отсутствие все эти годы

ощущается словно слепое пятно
ну акбаров артём до сих пор в мои сны
в образе стрёмного демона заглядывает порой
а на деле вроде работает сторожем или тем
кто нажимает на кнопку чтобы поднять шлагбаум
остальные кто побогаче футбольная школа маникюрный салон
шиномонтажка вполне смотрибельный путинизм

*

брат теперь просыпается рано и шагает на хлебозавод
брат в последние месяцы перестал пить
по телефону сказал типа владос у меня бронь
вот зачем просыпается рано шагает на хлебозавод
вот зачем перестал пить
вот почему я впервые за десять лет
будто бы снова его люблю

лирическое отступление

хорошо, что в этом месяце мы смогли заплатить за газ
хорошо, что я принёс тебе пирожок с чечевицей, пока ты спал
хорошо, что маша пытается выкрасть радость, глядя на арарат
хорошо, что когда женщина из интеллигентных кругов москвы
произносит ген бедности, мы не можем понять значения этих слов
хорошо, что все тусовки проходят вдали от нашей дыры

хорошо, что настя заставила выбраться и написать
письмо севе королёву, который сидит в сизо
хорошо, что мы получим деньги и сделаем пару нормальных штук
хорошо, что все эти годы я был кротом писал поэму крота
крот смотрит в сердце своей ночи не знает, что и сказать, зато
крот смотрит в ночь своего сердца и, наконец, говорит
единственно правильные слова

8.

нет смешнее наказания для мальчика, чем
посмотреть в грязное зеркало и увидеть себя
образца пятилетней давности, пишущего стихи,
нашипованные безволием умных слов

нет страшнее наказания для мальчика, чем
посмотреть в это зеркало и увидеть того,
кто обманывал самых любимых людей,
потому что мог позволить себе обмануть

нет глупее идеи вспомнить себя,
темноту нашей общей жизни пьющего до темноты,
до беспамятства сладкого — джанки дешёвых слов,
джанки грядущей войны

нет, меня не пантера прыжками и блаблабла
нет, вергилия нет за плечами и блаблабла
но я знаю: будущее возможно, и за него
нужно будет драться с самим собой

нужно будет убить самого себя

9.

то, что есть общего в языке, —
не наше, общее

(commons)

то, что чужое, —
не наше, чужое

но из внутреннего кремля
это видится чуть иначе

бедняки ведут себя, словно они цари
захватившие землю

ведь у них всё отняли как вопрос
«ты чё, самый умный»

«ты чё, бессмертный»

в комментариях к статье по языкознанию
русские шовинисты предъявляют себя

миру, зачем-то

ой настала жаль тута
да по всій Україні

но жаль рассеется
имена сохранятся

10.

пять последних (недостающих, согласно регламенту премии)
строчек:

русский
военный
корабль
иди
нахуй

16.

потусить здесь нормально уже предчувствуя чертежи
сгоревшего дома такова была установка
прогуляться под флагом последнего первая
прокричать дымолозунг для обречённых
написать типа дмитрий голышко танцует
посреди дорожающей недвижимости берлина
словно ежеминутно отвлечённый уведомлением

мой налог госуслуги и то из чего
сделана власть зазубрить и отправить
с того света считалку почтой подпольной
потеряшка насвистывает шарманку
план судьбы понимая интуитивно
как застывший трамплин на краю лесопарка
на который набрёл за секунду до катастрофы

2.

помнишь мы вышли с утра в сквер на московском проспекте
после ссоры перетёкшей в милость ночной беседы
в рамках которой мы смогли раза в четыре быстрее
научиться расшифровывать образ друг друга
а потом ты выкидывала мою загипсованную ногу в окно
я же только и делал что ебал свои мысли
но сейчас мы превратились в спокойный остров

а ещё мы хамили ментам извинялись перед ментами
вместе положили облако под язык и я целовал зелёную птицу
но я не смог признаться разучился разговаривать телом

я видел как ты с каждым днём всё более каменеешь
какая петля малыш приезжай в центр съедим фалафель
ты приедешь но увидишь кого-то другого
и мы не знали в те дни ширины коридора прощения

9.

ностальгия по питеру это безусловно правая тема
но что делать если они обходят рубежи обороны
и парламент сердца в огне ведь десять лет жизни
проносятся перед глазами в формате сновидческих отпечатков
в одном из них мы выходим из бара «стирка»
в снегопад и ты спасаешь меня от столкновения с автомобилем
некоторое время я слышу шелест большой природы

главное это был снежный день
мы зашли в стирку на пару минут чтобы выпить кофе
внутри играл модный джаз и даже он не испортил
впечатления от сцпки джаза со снежной бурей
как ни вспомнишь об этом так помимо чудесного обновления
начинаешь чувствовать что весь тот мир уходит под воду
и он проносится перед глазами как будто я умираю

10.

эдвард радзинский рассказывает о чёрном дворе
в самом чёрном углу которого крепостное право
совету федерации в 2017 году пожалуй
комичнее этого монолога я не могу придумать
вспоминаю питерский дворик где мы пьём пиво
в ночь музеев обмениваемся пережитым болтаем
ты говоришь я больше не могу жить в этой россии

что смешной историк делал на заседании я не знаю
чтобы сохранить совесть он должен был прийти туда
с самодельной бомбой
мусора выныривают из ниоткуда мы не успели

спрятать пивные бутылки но меня забирают в единственном
экземпляре
угрожают подкинуть наркотики наломать кости
спрашивают чё ты вообще здесь забыл ты же прописан
в девяткино
я нигде не прописан теперь да и вы в чистом поле наверное

19.

новые поэт_ки появляются несмотря ни на что
я не про z-шелуху я про откуда
ни возмись появляется и т. д.
и говорит смерть чиновника антигона
и говорит смятение душу сводит
и параллакс весны и парадокс той си
туации в который оказался

новые поэт_ки появляются посреди
каталогов москвы проулков бесчестья
органов местной связи трамвай пожара
дышит тем более чем нарушил
и говорит чем менее тем возможно
как бы отхаркиваясь местами
воинской славы и всего остального

18.

на выставке в музее гараж петр сказал мы никакие
не коммунисты
пока действует современный мир и мы согласились
потом кушали лирику неподалеку от главного павильона
мир оказался шариком надутым на твой день рождения
а когда ты захотел прогуляться и ненадолго выйти из тела
они уже подменили поставщика нужных нейроприколов
и теперь мы плутаем по твоим следам оставленным в прошлом

предисловие к переводу примерно четвёртая сноска
об ответственности и свободе распоряжаться сознанием

и пускай они всё подстроили поменяв ценники на плакатах
а также координаты клада ты всё равно обыграл их
мальчик с неисправностью в голове у нас остались архивы
как минимум память блогера охраняет цитату
и она продолжает располагаться против течения

17.

помню я почему-то сказал сначала в бездну свалился стул
и стася упала со стула и скидан смеялся четыре минуты
впрочем может я сказал уже после бездна тем временем
каждый из нас это чувствовал в рамках тайной ангины тайного
расширялась
горла
плюс в привычной серости города появился новый оттенок
если ты его видел то терял способность чувствовать нежность
на 49 секунд потом шагал дальше как ни в чем не бывало

стася я и рамиль стоим на могиле сони коньяк и кэмел
длинных черных деревьев ряды их плавное плавание на морозе
вдоль мороза через мороз как угодно кладбищенская столовка
постный борщ серый лед разговор как всегда о ковиде
если бездна растёт то и мы отдаляемся друг от друга
мне например и тогда было нелегко нести то смешливое знамя
впрочем тайная анаграмма и теперь течет сквозь тайное горло

22.

чёрные гусеницы жрут листья
листья становятся кружевными
когда выходишь к той яблоне слышен звук
этих чёрных гусениц говорит мама
мы с тобой знакомы ещё по первой/второй чеченским
так что в принце можем увидеться пообщаться
говорит кто-то другой кому-то другому

я считаю себя чуть пониже деда мороза по званию
говорит кто-то другой кому-то другому

в это время случается международный праздник
в это время от взрыва гибнет ребёнок
эти гусеницы появились из-за аномальной жары
и я слышу как они поедают ту яблоню напоминает
фильм ужасов говорит но мне больше не страшно

01.06.2023

Карты побега Влада Гагина

Покойный ныне Дмитрий Голынка в качестве эпитафии к своему докладу про современную поэзию 2010-х как поэзию «новых депрессивных» привел строку из текста Влада Гагина: «Марк Фишер был прав / это стихотворение / не может быть ничем, кроме поражения»¹. В написанной по итогам доклада статье «Поэзия закрытого доступа»². Голынка означил переход от поэзии активистского партиципаторного включения конца 2000-х — начала 2010-х к постактивистскому мизантропизму постпротестной эпохи. Меланхолическое оплакивание утраченного энтузиазма и депрессивная «работа горя» были призваны «... отследить и от-рефлексировать посттравматическую растерянность после краха протестных выступлений». Для поэзии «депрессивного гедонизма» Влад Гагин являлся одной из парадигмальных фигур: в его поэтике, вызванная внешними обстоятельствами депрессия, импозитивно свёртывалась вовнутрь.

В сентябре 2021 года в Доме писателей посёлка Комарово Дмитрий Голынка читал другой доклад с почти барочным названием «Калькуляционный дизайн современной поэзии в условиях технокапиталистического медиарынка». В нём Дмитрий среди прочего констатировал конец гедонистической свободы планетарных передвижений и приход гиперизоляциялизма и социального дистанцирования. От поэзии (пост)ковидной эпохи требовались радикально новые этико-политические ориентиры («новые сцепки дружбы»), но Голынка усомнился в готовности и способности молодого поэтического сообщества к исповедованию наработанных предыдущими неподцензурными поэтами политик дружбы и поэтик касания. Влад Гагин присутствовал на докладе, но вышел посреди него, а потом вернулся и, заметно нервничая, сказал, что вышел, так как не смог вынести речь Дмитрия, но сейчас хочет ответить, что из депрессивного гедонизма должен быть выход и он его ищет.

¹ Голынка Д. Поэзия Виктора Сосноры. Новые депрессивные: поколение миллениалов в эпоху цифрового капитализма // Новое литературное обозрение. 2003. № 181. С. 303–308.

² Голынка Д. Поэзия закрытого доступа: тезисы к объективации поэтического образа // Транслит: Объектно-ориентированная поэзия. 2017. № 19.

Между первой книгой Влада Гагина «Словно ангажированность во тьме...» (2020) и настоящей книжкой — прошло более трёх лет. Эти три года вместили в себя такую плотность исторических событий, что буквально сорвали время с петель. Теперь вся прежняя жизнь напоминает сжатый архив, из которого память распаковывает особенно символические и просто случайные фрагменты и образы, а настоящее наоборот — застыло в пароксизме страха, гнева и отчаяния, засасывая в дурную бесконечность вечного 24 февраля 2022 года. Если первая книга Гагина была скорее попыткой выразить и проблематизировать «... поэтическими средствами идентичность (добавим — левого) интеллектуала нового поколения» (В. Лехциер), то в настоящей книге — вся интеллигентность и аналитичность поверяются жизнью «пишущего животного» внутри катастрофы. Возгонка эффекта «подлинности», документация опыта и заострение его болезненных аспектов, эмоциональные фидбэки, игра наперегонки со стрессом — всё маркировало и довоенную / доковидную поэтику Гагина. Но тогда эти инструменты работали скорее в качестве риторико-стилистических компонентов поэзии как «машины по совмещению всего» (Гагин, 2020). Автореференциальный саркастический модус «ангажированного» высказывания выстраивал свою альтернативную экономику смыслов во «тьме» капиталистических потоков.

Новая книга Гагина производит ревизию левой меланхолии и депрессивного гедонизма эпохи национал-патриотической реакции, переводя их в сгустки реального жизненного опыта внутри/на границах военной диктатуры: побег, нужду, страх, утрату языка, одиночество, бездомность, гнев, жалость, надежду, эмпатию. На место виртуального номада, индивидуализирующего безличные речевые потоки цифровой среды³, заступает «реальное тело мигранта», променявшее «балтийский несуществующий рай» на «ереванскую пыльную бурю». Биополитика здесь оказывается не пределом политического, а его вывернутой наружу изнанкой: биологическая субстанция заброшена в «пустыню реального», анархическая нейропластичность более не столько эпистемологический инструмент, сколько рефлекс «пишущего животного», спасающегося бегством.

³ Об этой индивидуализации языка, в частности, пишет Гликерий Улунов в своем предисловии к книге Влада Гагина «Словно ангажированность во тьме» (СПб.: Порядок слов, 2020).

Как мы знаем, Марк Фишер нашёл выход из «капиталистического реализма» только в форме суицида. Дмитрий Голынюк стал первой жертвой петербургской богемы «эпохи СВО», не пережившей «травму свидетеля». Новая книга Влада Гагина, как кажется, предлагает побег как не уникальный, но чуть ли не единственно доступный в условиях катастрофы выход. Гагин совершает реальный и символический побег, признавая за собой проявление слабости и трусости. Открыто эксплицированная деромантизация собственного побега накладывает запрет на риторическое возвышение его до исхода или эскейпа. «Мне неинтересно создавать миры. Лучше составлять карты побега», — писал Гагин в своём эссе 2020 года, и сегодня эти карты вышли за пределы аутопоэтической системы. «Лирическое отступление» Гагина омонимично как вытеснению «пишущего животного» за границы Российской Федерации, так и смещению поэтического высказывания в маргинальную — с точки зрения метрополии т. н. «Великой Русской Литературы» — зону русскоязычного письма из постколониальной Армении.

Уже сейчас становится понятно, что вынужденная эмиграция и «травма свидетеля» стали для многих русскоязычных авторов субъектообразующим опытом, лишая авторское «я» прежних языковых компетенций и требуя новой членораздельности. Коллега Гагина по поэтическому цеху — петербуржец Константин Шавловский, после начала полномасштабной войны уехавший из Петербурга в Тбилиси, в отзыве на одно из гагинских стихотворений прямо пишет, что испытывает схожие чувства «тотальной разъёбанности литературной среды, сообщества, и чувство ненужности и неуместности себя в новом пространстве». В этом плане Гагин, Шавловский и другие поэты разделяют опыт сотен тысяч таких же мужчин, женщин и небинарных персон, после начала Большой Войны вынужденно покинувших Россию (опыт внутренней эмиграции имеет свои нюансы) и ставших беженцами, мигрантами, релокантами, репатриантами, переселенцами и другими категориями *people in exile*. Эти люди поневоле стали сообществом судьбы — чертя траекториями своих биосоциальных тел собственные карты побега.

Если в 2018 году гагинский лирический герой ещё блуждал «по окраинам Рима в google maps», то герой образца 2023 года

утрачивает способность к надмирному взгляду (каковым обладают сегодня умные дроны — машины убийства XXI века), вжимаясь в землю и замирая. «Тебе нужно двигаться дальше, — говорят герою Гагина друзья, — а не замирать, словно отрезанная голова вороны, а не замирать, словно испуганный глаз зайца». В мгновения опасности некоторые животные притворяются мёртвыми. Так, Жак Деррида в «Что такое, поэзия?» сравнивает поэму с ёжиком: «Свернувшийся в комок, ощетинившийся иголками, уязвимый и опасный, расчётливый и неприспособленный (ибо он скатывается в комок, чужая опасность на трассе, подставляет себя катастрофе). Без катастрофы нет стиха, не бывает стиха, который бы не открывался, как рана, и который бы не ранил. <...> Стих может катиться клубком, но и это для того, чтобы повернуть наружу свои остренькие знаки. Конечно, он может размышлять над языком или говорить поэтично, но он никогда не соотносится сам с собой, он не едет сам, как те несущие смерть моторы»⁴.

Поэт более не виртуозный крысолов-дудочник, а поэт — крыса, бегущая, как ей кажется, от катастрофы, но барражирующая вокруг неё. Гагин пишет: «офицеры и россияне, воспитанные пушкиным, знающие мороз и солнце, обращаюсь к вам: простите меня, крысу, бегущую в пригрезившиеся земли...» Или: «влад джанки кроме того решил / что нужно снова писать как крыса во что бы то ни». А также поэт-крот, поэт-мушка, поэт-обезьянка. «Означивающая обезьяна», добавим мы, отсылая к литературной теории «Signifying Monkey» афроамериканского критика Генри Луиса Гейтса, где пейоратив «monkey», употребляемый «беляшами» в отношении чёрного населения США реапроприировался в подрывной образ писателя-трикстера (поэта-рэпера), являющегося посредником между двумя английскими языками: языком бывших колонизаторов и угнетённых. У Гагина есть такой «злой двойник» — трикстер «диджей гад влагин», стоящий на границе двух реальностей: «реальности прошлого, которая сломалась, и будущего, которая не наступила» (К. Шавловский). Другой гагинский двойник — циничный «непоэт влад гагин» пишет «стихи для премии лицей», открыто заявляя: «я пришёл забрать ваши деньги», и приписывая в конце пять последних (недостающих, согласно регламенту премии) строчек:

⁴ Деррида Ж. *Che cos'è la poesia?* / пер. с франц. М. Маяцкого // Логос. 1999. № 6 (16). С. 140–143.

русский
военный
корабль
иди
нахуй

Поэтический автофикшн (?!)

В бессубъектную лирику, ставшую в 2010-е годы для части нового поколения русскоязычных поэтов и поэток альтернативной моделью поэтического высказывания (опустим здесь корреляцию между лингвистической и политической бессубъектностью), в 2022 году возвращается субъектность. Большая история насильственным образом связывает письмо с личным опытом, биографией и физиологией. Поэзия Влада Гагина, пожалуй, наиболее парадигмальный пример поэтической автобиографии и даже автофикциональной лирики. Она повествовательна и сюжетна, Гагин рассказывает разные истории своей жизни, участником и/или свидетелем которых являлся, тем самым вызывая у читателя уколы (не)узнавания и понижая порог вхождения в текст. Однако автобиографическая поэзия до последнего времени находилась под двойным подозрением: как авто- и как поэзия, и не включалась в ядро исследований по автобиографии. Поэтическое свидетельство сразу же обнаруживает невозможность полного самоотжествления авторского и лирического «я», так как поэзия уже на уровне формы демонстрирует свою искусственность, сделанность⁵. Кроме того, лирическое «Я» после всех (пост)структуралистских революций само по себе не может быть взято за анклав непосредственности. Поэтому сама идея поэзии как аутентичного самовыражения обнажает хрупкость автобиографической связи текста с миром. Границы между авторским и лирическим «я» в современной поэзии подвижны и проницаемы, поэтическое свидетельство металептично, оно запутывает (ся) в мирах: реальном, виртуальном, воображаемом, вымышленном...

⁵ *Frauke Bode. Autobiographical/Autofictional Poetry // Handbook of Autobiography Autofiction. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2019. P. 473.*

В поэтической автобиографии автор всегда более тесно связан с повествованием, чем в прозе или драме, но «... (лирическое) “я” само по себе не является достаточным критерием для лирической автобиографии, оно нуждается в каком-то другом *signe de réalité* (“признаке реальности”), посредством которого “я” можно паратекстуально идентифицировать и проверить»⁶. В современной автобиографической поэзии паратекст (как он был введён Жераром Женеттом, «Пороги», 1987) прошивает всю поэму, связывая внутриязыковой и экстралингвистический уровни языка и формируя авторскую субъективность. Социально-сетевое бытование такой поэзии и её соседство со множеством других типов дискурса выводят на первый план не столько межтекстовые связи, сколько коммуникативно-прагматическую ситуацию создания и восприятия текста.

В поэзии Влада Гагина одним из основных средств «сборки» субъекта из фрагментов поэтического нарратива и актуализации плана реальности выступает дейксис: личные местоимения, многочисленные имена друзей и родственников, политиков и медийных фигур, указательные наречия и топонимы, отсылки ко времени и месту: здесь, там, тогда, сейчас... Именно дейксис после утраты психобиографической подлинности автора «привязывает языковые выражения к конкретным пространственно-временным координатам и живым субъектам речи, делая каждое коммуникативное событие уникальным и человекомерным»⁷. У Гагина поэтическое повествование посредством дейксиса может быть обращено к реальным людям и событиям, оставляя их по ту сторону текста: «сейчас — всё иначе, кто где // запишись волонтером, если / уехал, и береги себя, // если осталась». Личный дейксис также запускает игру раз-отождествления лирического «я» с авторской личностью. Как в тексте про бывших любовниц: «“Я” на их месте / каждый день вспоминало / бы обо мне».

⁶ Там же. Р. 475.

⁷ Феценко В. Дейксис как присутствие субъекта в поэтическом тексте: теоретические подходы // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Т. 4. Peter Lang, 2018. С. 157–169.

говорить с собой как с другим

Левая «ангажированная» поэзия в своей современной реинкарнации (условно — после 1968 года), в отличие от гражданской и социальной лирики, не просто тематизировала угнетение и несправедливость, а пыталась передавать прямую речь угнетённого, говоря от его лица. Стенографируя чужие страдания, она поддерживала свой активистский протестный пафос. Подчас такая поэзия стигматизировала другого как эссенциальную фигуру универсальной жертвы, всё время воспроизводя (порой бессознательно) социальную и речевую дистанцию между поэтическим высказыванием от лица другого и «безмолвной жертвой». Если Евтушенко в «Бабьем Яре» ещё мог (но всё чаще фальшивя) сказать: «Я — каждый здесь расстрелянный ребёнок», то когда студенты Красного Мая 1968 года несли лозунги «Мы все немецкие евреи», это было «ошибочным перформативом». Полное самоотжествление детей французской буржуазии с расчеловеченным и уничтожаемым по этническому признаку народом изначально обнаруживало свой провал. Но именно невозможность занять место жертвы Жак Рансьер в работе «На краю политического» полагает началом политической субъективации. Политический субъект возникает в промежутке между поставленной под сомнение идентификацией себя с государством, от имени которого производится насилие, и невозможной идентификацией с подвергнутой этому насилию группой. Место политического субъекта — это «промежуток или зазор: бытие-вместе как бытие-между: именами, идентичностями и культурами»⁸.

Однако, судьба индивида всегда сложнее, чем судьба общества (за эту мысль спасибо Никите Сунгатову). Среди граждан любого государства, тем более России эпохи имперского полураспада, на самом деле присутствует множество «внутренних других», иммигрантов, представителей гендерных, национальных, религиозных меньшинств. Подчас они остаются «слепым» пятном для большинства из граждан метрополии, пока эти граждане сами не сталкиваются с дискриминацией и государственным насилием.

⁸ Рансьер Ж. На краю политического / пер. с франц. Б. Скуратова. М.: Праксис, 2006. С. 106.

«Эти месяцы (после начала полномасштабной войны и эмиграции, — прим. Р. О.) показали мне и другим гражданам РФ, — пишет Гагин в одном из текстов своего телеграм-канала, — как много в нас следов империи, они отчётливее высветили ксенофобные и колониалистские территории внутри нашей психики, они заставили меня задуматься о том, где и как я жил все эти годы. Я вырос в Республике Башкортостан, бок о бок с башкир_ками и татар_ками, но я почти не задумывался о своих привилегиях, разве что в последние годы и очень косвенным образом. Здесь нет места для моей вины, но моя ответственность заключается в том, чтобы здесь, в Армении, вникать в местные контексты, думать о политике по-разному, вырабатывать в себе другую оптику, вращать в идентичность мигранта и конструировать новый, виртуальный и призрачный, кочевой и миноритарный дом».

Именно поэзия несёт в самой своей форме: разрыв синтагмы, бессоюзия, двойной пропуск строки и т. д. — промежуток, зазор, трещину в самоидентификации: между прежней утраченной и новой, ещё не обрётённой (обретаемой ли?). В самом лирическом «Я» уже содержится этот раскол, эта не-сшиваемость, нецельность, невозможность прорваться к центру «себя». Студент философского факультета Давид Самойлов пережил этот раскол, уйдя на фронт: «А это я на полустанке / В своей замурзанной ушанке...». Лирическое «Я» Льва Рубинштейна постоянно впускало в себя фрагменты припоминаний послевоенного детства: «А это я в трусах и в майке под одеялом с головой бегу по солнечной лужайке...». «Со всей этой вашей хуйней я реально забыл, как делают люди?» — спрашивает Гагин после очередного провала в думскроллинг продолжающегося апокалипсиса. И тогда из «немытого рта» поэта начинают вырываться гнев и сострадание, эмпатия и любовь, припоминания прошлого и надежды на будущее.

Поколению Гагина, поколению левых и фем-поэтов/поэток 2010-х, кого история разбросала сегодня по постсоветскому пространству и миру, приходится учиться говорить за себя в режиме экзистенциальной заброшенности и неприютности. Они утратили привилегию и право свидетельствовать об опыте другого, говорить от лица жертвы, но не готовы замыкаться в эгоцентрическом модусе нарциссизма и жалости к себе. В своём программном манифесте 22 ноября 2022 года поэт Влад Гагин пишет:

«... я стараюсь отказываться от того, чтобы свидетельствовать за другого <...> я думаю, что у меня нет доступа к опыту пыток и жизни при авианалёте. я никогда не собирал автомат калашникова и не знаю, что чувствует человек перед смертью. да, я смотрю на войну, поскольку режим современности не предполагает обратного, однако о реальной войне я ничего не знаю... <...> однако я знаю, что империи должны быть переформатированы или уничтожены, я знаю, что человек я довольно слабый и несмелый по своей, так сказать, природе. знаю я и то, что я, как и все мы, способен на большее. я верю, что каждое существо доброй воли имеет право на жизнь и радость, однако как жить и радоваться, когда длится кошмар истории, я пока не понял. разве что надеясь на иную возможность и/или формируя, как можешь, иные возможности».

Это подвешенное «Положение» между невозможностью более нацеплять чужой голос как речевую маску и осознанием всеобщей связности существ доброй воли, имеющих право на жизнь и радость даже внутри кошмара истории, становится нервом новой книги Гагина. Поэт реализует эту подвешенность через «разговор с самим собой, но так, как будто с кем-то другим» (Гликерий Улунов). Это может быть разговор с (воображаемой?) сестрой: сестра спрашивает, наставляет, совестит и советует. Это может быть диалог с давним приятелем, подавшимся в народный «университет имени дарьи дугиной», которому отвечает лирический герой Гагина — «внутренний семинарист университета имени дарьи треповой». В тексте «комната со смещённым отцом в центре» Гагин разговаривает с призраком своего отца, смотрящим телевизор, из которого доносятся звуки взрывов. Вглядываясь в мимику и морщины отца, Гагин видит там «травмированную ткань целого поколения». Межпоколенческий — это ещё один болезненный разрыв, обнажившийся после 24.02.2022 особенно остро:

*отец работал из дома, и 24/7
телевизор пиздел голосом соловьёва
про детей донбасса, я слышал из-за стены
эту речь, представляя, что в СЕРДЦЕ ОТЦА
входит игла россиц, и мне захотелось*

*ворваться в их комнату и разбить эту плазму
этот символ стабильности, эвфемизм
диктатуры, так вот я подумал*

знаю ли я отца

знаю ли я соседа

двоюродного брата

знакомого со двора

кто из них добрый, кто злой

и в какой момент их лица смещаются

в сторону бучи

помню, отец целовал меня перед сном

сначала в одну щеку, потом говорил

вторая щека обидится, если не поцелую.

Роман Осминкин

Содержание

I

«говорят рейтинги президента взлетают и я взлетаю...»	5
«видеть дальше, говорил философ...»	6
«диджитал-номадизм не заменит близость...»	7
«впервые живу в комнате, окна которой...»	8
Тбилисские мысли	10
«каждый делает своё дело...»	12
Тридцать строк	13
«Молодой человек с почтовым рожком на футболке...»	14
«Здесь члены студенческих профсоюзов...»	15
«зачем я рисую портрет на открытке...»	16
«уголовная ответственность за пересказ сна...»	18
«я сказал: пока, ребят, мне...»	20
«Субъект этих текстов, как мне сказали...»	22
«хорошо, что и это уже не имеет значения...»	24
«Последний бой амфетаминового...»	26
«сконструировал бесполезную машину...»	27
«смерть тинейджера, или...»	29
«разные люди подписались на этот канал...»	31
«я был современник журнала доха...»	33
«два ребёнка встречают меня у подъезда стоим у лифта...»	34
«иногда хожу оскалившись как мигрант...»	36
«все эти страны нам приснились...»	37
«Помню тот вечер на одной из линий ВО...»	39
«25 лет она ждала гуманитарную визу...»	41
«мне страшно от сложности этого текста...»	42
«такое настроение, что лучше уж вообще не писать...»	44
«получается, ты опять зассал...»	45
«страх, добавила сестра...»	46
«как я пытался узнать, что происходит в россии?...»	47
«пресс-поездка последней надежды...»	48

II

«я хороший русский или не очень...»	52
Каким я запомнил последнее лето перед войной	53
«Сохранился довоенный билет в кармане...»	55
«у вас накопилось 2115...»	56
«— есть агрессивные живые скрепы...»	58
«Женщина умирает от побоев в домашней...»	60
Предсказание	61
«нет такого решения как откусить край карты...»	62
«военкомат, военкомат, вспоминаю...»	63
«всё-таки наши братцы...»	65
«впрочем, мы не настолько наивны, чтобы...»	66
Комната со смещенным отцом в центре.	67
«думскроллить ленту новостей...»	70
«мы провалились как нация...»	72
«иногда мне кажется, что *name* кажется...»	73
«маргарита меклина читает стихотворение...»	75
«у меня и у арт-директора Арзамаса одна беда на двоих...»	78
«житель асбеста отнимается от...»	80
«пересматривал лекцию клюшникова поворот к счастью...»	82
«люди олимпийского цинизма...»	83
«Мария Эйсмонт стоит возле надписи...»	84

III

«privetik! eto poslanie iz...»	87
«неужели надо заранее бронировать ветер с моря...»	89
«канье уэст и марина цветаева...»	90
«пасхалка в любом новогоднем видеообращении путина...»	91
«помни о мудрости...»	92
«исход октября, но как бы сентябрь...»	93
Москва и крыса	94
«подземный кабель любви предлагает...»	96
«каждому леваку нужно второе сердце...»	97
«как ахматова посреди тусовки, ухожу...»	99
«Узнать разлуку-в-любви...»	100
«видишь, насколько слеп...»	102

Мясо	103
«Давай уже напишем хорошее стихотворение...»	105
«Он будто бы вылез из пасти...»	106
«без пальмы, лермонтова и выгоды, но с дуделкой...»	108
«прозрачные оплеухи...»	109
Стихи для премии Лицей (сто пятьдесят строк)	110
«потусить здесь нормально уже предчувствуя чертежи...»	117
Карты побега Влада Гагина.	
<i>Послесловие Романа Осминкина</i>	122